

Право на месть

Автор:

Александр Мазин

Право на месть

Александр Владимирович Мазин

Инквизитор #2

Он – выше понятий и выше закона. Он сам вершит закон, отвечая ударом – на удар, пулей – на пулю, силой – против силы. Он – не из тех, кто готов отдать жизнь, защищая Правду. Он тот, кто способен ее защитить!

Александр Мазин

Право на месть

В этой стране только мертвые сраму не имут.

В этой стране только мертвым дано говорить.

В этой стране, на развалинах Третьего Рима,

Только и свету, что спать да молитву творить.

В этой стране, где свобода – не больше, чем право

Сесть наугад в переполненный грязный вагон

И, затаясь, наблюдать, как меняет Держава

Лики вождей на полотнах бесовских икон.

В этой стране никому и никто не подвластен

Данностью свыше. Почти не осталось живых

В этой стране, где уверенность в будущем счастье

Лишь у юродивых (Бог не оставит своих).

Здесь, на объездах Истории, жирные монстры

Прут из земли, как поганки под теплым дождем.

Серое делают белым, а белое – черствым

В этой стране...

Но другой мы себе не найдем.

Выведи меня из сети, которую тайно поставили

мне, ибо Ты крепость моя.

В Твою руку предаю дух мой;

Ты избавил меня, Господи,

Боже истины.

Псалом 30, ст. 5, 6

Часть первая

Я – зомби

Как рыбы попадают в пагубную сеть и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них.

Экклесиаст, гл. 9. ст. 12

Глава первая

«...очередного террористического акта в Санкт-Петербурге. После недавнего убийства депутата горсовета Пашерова, вызвавшего столь значительный резонанс, взрыв бомбы на набережной Кутузова многие считают сенсацией второй величины. Но не секрет, что ряд компетентных специалистов усматривает прямую связь между двумя событиями. В первую очередь из-за того, что в обоих случаях жертвами стали люди, позитивно влияющие на процесс духовной стабилизации нашего общества. Игорь Саввич Потмаков, сын известного ученого, члена-корреспондента Академии наук, профессора Потмакова, еще в застойные годы выбравший нелегкий путь служения Богу, вернулся в Санкт-Петербург всего лишь полгода назад. И за это короткое время уже успел стать заметной фигурой... Человек совершенно бескорыстный, чья благотворительная деятельность...

...к сожалению, далеко не первое убийство священника. Вместе с ним в результате взрыва, виновники которого успели скрыться с места происшествия, погибли шофер Потмакова майор в отставке Петр Николаевич Сарычев и секретарь Андрей Александрович Ласковин... Тело Сарычева, оставшееся внутри упавшей в Неву машины, было извлечено водолазной группой. Медэкспертами установлено...

...Тела Игоря Саввича Потмакова и его секретаря пока не обнаружены. Специалисты полагают, что они унесены течением реки. Поиск продолжается...

...также заявил, что правоохранительные органы уже добились определенных результатов и рассчитывают в достаточно короткий срок задержать преступников. К сожалению, это не первое подобное заявление, которое осталось лишь заявлением. Так что всем нам стоит задать себе вопрос: кто следующий? Вы смотрите программу „ГЛАЗ“, ведущий – Владимир Сидоров. А теперь минутка рекламы...»

Телевизор «Акай», два дня назад привезенный Андреем.

«Еще один террористический акт...»

Наташа убирала в комнате и слушала вскользь, отдельные слова, пока комментатор не произнес фамилию Андрея...

С тех пор прошло больше суток.

Наташа выключила телевизор и вытянулась на постели, глядя в потолок.

«... а также секретарь Андрей Ласковин...»

Вот уже сутки они мусолят тройное убийство. Как стервятники. «Секретарь Андрей Ласковин». Для них – пустой звук. Повод, чтобы привлечь внимание к резинке «Стиморол».

Наташа постаралась вызвать из памяти лицо Андрея. Господи! Почему Ты позволил его убить? Почему он позволил себя убить в день, когда ему исполнилось тридцать лет? Хотя какое это имеет значение? Двадцать лет? Тридцать? Сорок? Какое это имеет значение, если ты – мертв?

Наташа закрыла глаза и увидела белые угловатые льдины, плывущие по черной воде... Она попыталась представить Андрея мертвым (зачем?). Наташа видела утопленников. Когда училась в мединституте. Утопленников, удушенных, замерзших... Сколько живет человек в ледяной воде? Сколько живет раненый человек в ледяной воде? Ответ – две-три минуты. Шок от потери крови, шок от холода, шок... Нет! Она не может представить его мертвым! Она помнит его руки, его подбородок, становившийся шероховатым к вечеру, помнит, как он

хмурил брови...

Наташа перевернулась на живот и впилась зубами в подушку. Он жив! Жив! Тело не найдено!

Ей тоже было холодно. Но она не двигалась.

Тело не найдено... Какая разница?

Сколько живет раненый человек в ледяной воде?

Зазвонил телефон.

Наташа не шелохнулась.

Вчера она хваталась за трубку с жадностью: вдруг?.. Не он. Сегодня – нет. Поздно. Сколько живет человек в ледяной воде? Минуту? Час? Сутки? Кто-то там просидел сутки в проруби... Бред. Это она бредит. Господи, как холодно! Отопление отключили?.. Надо бы поесть. Кажется, она ничего не ела сегодня. Или – ела? Нет, это было вчера. Вчера утрм. Конечно, теперь у нее слабость... и холодно... Надо принять душ... так мерзко... Андрюша! Наташа всхлипнула. Нет, она не плачет. Просто ей холодно, надо принять душ, жизнь продолжается, все люди смертны, земля... вода... Господи, почему – он? Почему так быстро, Господи?

Осыпает мягким снегом

Опустевшую дорогу.

Осыпает понемногу

Губы, волосы и веки...

Снег ложится осторожно,

На зрачки ложится тихо.

На ладонях на моих он

Вязь узорчатую сложит.

Ветра нет. Уходят стройно

В облака седые сосны...

Как все сразу стало просто

И совсем-совсем спокойно.

Осыпает мягким снегом

Опустевшую дорогу...

Надо встать. Надо принять душ. Надо на работу, нет, уже не надо, поздно.
Плохо. Люди ведь не виноваты... А кто виноват? Кто? Ты, Господи?

Подушка намокла. Наташа уткнула лицо в ладони и начала молиться:

«Господи! Сделай чудо! Сделай, ну что Тебе стоит? Пусть он будет жив, хоть какой, хоть калека, хоть разлюбил, сделай, Господи, сделай его живым, сделай чудо, Господи! Только разочек, больше никогда не попрошу, ну пожалуйста! Пусть он будет живым. Господи, миленький, как-нибудь сделай его живым. Господи!.. Или пусть я тоже умру!»

Наташа лежала в темноте, пустая, холодная, неподвижная... Но она не умерла, нет, это было бы слишком... прекрасно.

«Надо двигаться!»

С трудом (тело будто чужое) Наташа поднялась и побрела по коридору, сбрасывая с себя одежду... прямо на пол (какая разница!).

Неловко, с усилием, как тяжелобольная, она перешагнула через край ванны. Включила душ. Держалка опять расшаталась. Андрей обещал починить, но... не починит. Боль накатила снова, но какая-то... жалкая. Вода падала на затылок, на плечи, на грудь... Сколько? Четверть часа? Час? Нет! Так нельзя!

Наташа наклонилась (у нее закружилась голова) и решительно завернула кран горячей воды. Холод обжег тело, но Наташа не двигалась. С каким-то

мазохистским удовольствием она стояла до тех пор, пока кожа полностью не потеряла чувствительность. Ну вот и все. Жизнь продолжается. Да...

Наташа с силой растерлась сухим жестким полотенцем. Вот и полегчало, да? Девушка встала на деревянную подставку, включила фен, чтобы высушить волосы. Это Андрей провел сюда, в ванную, розетку... И тут накатило с такой силой, что Наташа согнулась пополам и заскрипела зубами. Как больно! Как физически больно! Включенный фен завывал, словно помешанный. Наташа дернула провод. Наступила тишина. Через некоторое время боль отошла. Наташа выпрямилась, чувствуя, как тысячи игл пляшут на ее коже. Голова перестала кружиться, остался только шум в ушах и тянущая пустота в животе. Наташа открыла дверь ванной... и тут же закрыла. Сердце забило быстро-быстро. В квартире кто-то был!

Спустя некоторое время Наташа сумела взять себя в руки. Собственно, чего она боится? Что еще может с ней произойти?

Девушка приоткрыла дверь, выглянула в коридор и только-только успела заметить, как огромного роста мужчина вошел в ее комнату. Наташа шмыгнула обратно в ванную, плотно прикрыла дверь. Она знала, что свет в ванной из коридора не заметен.

Минут пять Наташа простояла, прижавшись ухом к двери, но ничего не услышала. Кроме собственного прерывистого дыхания. Девушка поискала глазами одежду, но вспомнила, что бросила ее в коридоре. В ванной не было ничего, кроме полотенца.

«Может, это просто грабитель? – подумала она. – Возьмет, что захочет, и уйдет? Зачем ему я?»

И вдруг она вспомнила! Вспомнила и похолодела. «Пусть я тоже умру!» Разве она не просила об этом?

Наташа толкнула дверь. Вышла. Побрела по коридорчику направо, мимо своего брошенного на пол халата, мимо остальной одежды, бесшумно, как сомнамбула, на подгибающихся ногах, с влажными облепившими голову волосами... Оставляя за собой цепочку мокрых следов (в ванной на пол натекала вода), Наташа дошла до комнаты и, перешагнув через порожек, остановилась. Руки ее бессильно

повисли вдоль тела, плечи опустились. Она не собиралась драться, она вообще ничего не собиралась делать, но когда она увидела «грабителя», ноги ее буквально приросли к полу. Огромный длинноволосый мужчина, черный с ног до головы, стоял к ней спиной, разглядывая то, что держал в руках.

Наташа попятилась, и тут мужчина медленно повернулся к ней. Лицо его, мрачное, с запавшими глазами, заросшее густым волосом, было ужасно. Наташа сделала еще один шаг назад и невольно прикрыла рукой обнаженную грудь. Нет, скорее – сердце. Черный великан устремил на нее тяжелый взгляд, изучая ее лицо, тело. Холодно, без смущения, без всякого интереса. словно нечто неодушевленное.

В руках великан держал книгу, и это еще больше испугало Наташу: «Не грабитель!»

Девушка отступила еще на один шаг, и... чьи-то пальцы крепко сжали ее голые плечи.

От неожиданности Наташа вскрикнула, рванулась, выворачиваясь из поймавших ее рук, обернулась... и ноги ее подкосились. Мир перевернулся, и Наташа потеряла сознание.

Глава вторая

Глаза открывать не хотелось. Банальный вопрос: жив или уже умер – отпал сам собой. Слишком реалистичными оказались телесные ощущения. Наверное, так чувствует себя кусок свинины, по которому всласть прошлись ребристым молотком.

Ласковин попытался шевельнуться, но потерпел неудачу. Не потому, что не чувствовал рук, нет, руки были на месте. Только оказались плотно прикрученными к туловищу. Андрей был связан или, скорее, завернут во что-то тяжелое и колющее. В ковер?

– Живучий, как кошка,– произнес рядом знакомый голос.– Хотя куда там кошке!

– Не надо так шутить,– ответил не менее знакомый бас.– Гипотермия может привести к очень тяжелым осложнениям. К необратимым нарушениям функций...

– У вас, отец, необычный словарь,– заметил первый.– Необычный для священника.

– Когда-то я получил медицинское образование,– отозвался бас.– Но моя практика и познания не так обширны, как ваши.

– Я бы не назвал это «познаниями»,– сказал первый,– но польза от этого есть, что да, то да.

«Может, я все-таки помер? – подумал Ласковин.– Эти двое – вместе?»

– Ага! – другим тоном произнес Зимородинский.– Молодец наш – подслушивает! Давай, давай, открой ясны очи! Скажи спасителю своему, что и я своих за так не отдаю!

Андрей не без усилий разлепил веки. Вислоусое довольное лицо Зимородинского – на расстоянии вытянутой руки. Чуть подальше – черная с проседью грива отца Егория.

– Кто это на мне лежит? – сиплым голосом проговорил Андрей.– Слон?

– Шутит! – Вячеслав Михайлович повернулся к Потмакову.– Ну, отец, какой это признак?

– Обнадеживающий,– пробасил Игорь Саввич.– Может, развернуть его?

– Обойдется. Нет,– сказал он Андрею.– Это не слон. Всего-то пара верблюжьих одеял да овчинный тулуп.

– Что произошло? – просипел Андрей.

– Вопросы задает,– сказал Зимородинский, снова поворачиваясь к отцу Егорию.– Как доктор полагает, можно больному вопросы задавать или молчание пропишем?

Ласковин подумал, что Потмаков сейчас взорвется, но тот лишь покачал головой.

– Узнаешь,– сказал он Андрею.– Не спеши.

– Ты умер! – вмешался Зимородинский.– И он,– кивок в сторону Потмакова,– умер! Так в газетах пишут. И умные дяди по телевизору тоже так говорят. Где уж нам с ними спорить! – и подмигнул.– Тем более, раз вы оба умерли, значит, больше вас убивать не будут. Верно, отец?

«Телевизор... – возникла беспокойная мысль.– Телевизор... Наташа!»

– Сколько... Как давно я так? – проговорил Ласковин.

– Да уж часов тридцать, нет, побольше,– ответил отец Егорий.

– Тридцать три,– уточнил Зимородинский.– Ты – хлопец основательный!

– Наташа,– с беспокойством произнес Андрей.– Она – знает?

Потмаков с Зимородинским переглянулись.

– Вот это мы недодумали! – с досадой проговорил сэнсэй Ласковина.– Бабушке твоей я сообщил по секрету, а ей...

– Я позвоню,– сказал отец Егорий.– Не поздно звонить? – спросил он у Андрея.

– Поздно! – Ласковин скрипнул зубами.– Отец Егорий, пожалуйста, быстрее! Слава, дай ему телефон. И разверни меня наконец!

Зимородинский подал Потмакову трубку. Отец Егорий по памяти набрал номер. Память у него – как японские часы.

Ответа не было.

– Никого,– сказал Игорь Саввович.– А может, спит?

Ласковин рванулся так, что потемнело в глазах.

– Выпутывай меня из этой дряни! – прохрипел он. – Куртка моя цела?

– Цела, – сказал отец Егорий. Голос его стал непривычно тих, но Андрею было не до тонкостей.

– Я поеду туда! – заявил он, пытаясь выдавить из тела нахлынувшую слабость.

– Лучше я съезжу, – возразил Зимородинский, успешно скрывая собственное беспокойство...

– Нет!

– Ладно, – уступил Вячеслав Михайлович. – Будь по-твоему. Отец, – сказал он Потмакову, – разверните его и помогите одеться. А я пойду укрепляющее приготовлю. А не то помрет дорогой – и все старания наши прахом!

Спустя час машина Зимородинского притормаживала у Наташиного дома.

– Подождать вас? – спросил Андреев сэнсэй. – Вдруг нет ее?

– Не надо, – отказался Андрей. – У меня – ключи.

– А сам-то – как?

– В норме! – как можно бодрее произнес Ласковин. Однако, когда он выбрался из машины, пришлось подождать с полминуты, опираясь на дверцу, чтобы прошла слабость.

– Пациенту! – сказал Зимородинский, вручая отцу Егорию литровый термос и запечатанный флакон граммов на двести. – Это, – он указал на термос, – сегодня и завтра. По стакану через восемь часов. А это – по чайной ложке утром натошак.

Андрей медленно пересек тротуар. Кажется, силы понемногу возвращались. Короткая лестница далась ему без особого напряжения.

«Вот я и вернулся», – подумал Андрей, открывая дверь.

Темная квартира. Ощущение пустоты и... тревоги!

– Наташа! – негромко позвал Ласковин.

Тишина.

Андрей щелкнул выключателем... и увидел одежду, в беспорядке разбросанную по коридору.

Сердце его сжалось от дурного предчувствия. Вновь накатила слабость, но беспокойство было сильнее.

– Наташа! – еще раз позвал Ласковин, уже не рассчитывая на ответ.

Не дожидаясь отца Егория, не потрудившись снять ботинки, Андрей поспешил в комнату.

Темно. И никого.

Ласковин зажег свет. Разобранная постель... и никаких следов девушки.

Вернувшись в коридор, он увидел отца Егория, запирающего дверь.

– Раздевайтесь, – произнес Андрей бесцветным голосом. – И заходите в комнату.

Верхняя одежда Наташи была на вешалке, обувь – тоже. Тапочки? Тапочки он видел в комнате. Записка? Наташа имела обыкновение оставлять ему записки на кухонном столе. Вдруг?

Андрей прошел по коридору, задержался на секунду там, где от него отводился «аппендикс», в конце которого – ванная и туалет, прислушался... Ничего.

На кухне тоже ничего. Андрей тяжело опустился на угловой диванчик.

«С ней все в порядке! – попытался внушить себе.– Могла ведь к матери уехать. Тем более если слышала... обо мне. Легче, когда близкий человек рядом».

Ладони Ласковина стали влажными. И ему было худо. Совсем худо.

«Если Слава еще не уехал, то... Но где ее искать?»

Ни телефона Наташиной мамы, ни адреса ее Андрей не знал.

«Стимульнуться бы чем-нибудь!» – подумал он и поднялся.

Вдруг Андрею показалось: по коридору кто-то идет. Не отец Егорий, а кто-то, ступающий очень тихо. Усилием воли Андрей ненадолго вернул мышцам упругость. Приоткрыв дверь кухни, он выглянул... и не увидел ничего и никого. Но чутье говорило: кто-то прошел только что по видимому из кухни участку коридора. Кто-то, постаравшийся остаться незамеченным.

Ласковин шагнул вперед и обнаружил влажные отпечатки на полу. Раньше их не было. Вот сейчас Андрей не отказался бы от своего «медиума». Но пистолет находился в комнате. Ласковин буквально увидел, как он лежит, завернутый вместе с кобурой в газету и уложенный в полиэтиленовый пакет...

Длинная тень пересекала коридор. Незвестный стоял на пороге комнаты.

Слух Андрея, как всегда бывало в такие мгновения, обострился, и он отчетливо слышал два дыхания.

Ласковин в один бросок покрыл оставшиеся метры и... Наташа!

Ни разу в жизни он не видел, чтобы человек потерял сознание просто от волнения! Сил у Ласковина хватило ровно настолько, чтобы удержать девушку, пока отец Егорий подхватит ее, а заодно и самого Андрея, ставшего вдруг бледным, как осенний туман.

– Битая ворона куста боится! – проворчал иеромонах, укладывая девушку на кровать и заботливо накрывая одеялом.– Сам тоже ляг! – приказал он Андрею.–

Вид у тебя – краше в гроб кладут!

Когда Андрей выполнил его распоряжение, Потмаков напоил его зимородинскими лекарствами, уселся рядом с постелью и погрузился в собственные мысли.

Когда Наташа открыла глаза и увидела лицо Андрея, то подумала: «Я сплю!»

Но знакомая рука сжала ее пальцы, и что-то изнутри еще крепче сжало горло Наташи. Ее губы шевельнулись. Беззвучно. Слезы брызнули, как фонтанчики. Андрей притянул ее к себе, поцеловал соленые глаза.

– Ты... ты пришел, – отодвигаясь, чтобы еще раз посмотреть на любимого, прошептала Наташа. – Я знала... знала...

И поцеловала Андрея в мокрые от ее собственных слез губы.

Отец Егорий громко откашлялся. Напомнил о себе.

Наташа отстранилась от Андрея (тот уронил голову на подушку и счастливо улыбнулся), посмотрела, приподнявшись на локте, на бородатого незнакомца.

«Странно, – подумала, – почему я так испугалась?»

Человек этот не был ни мрачным, ни страшным, наоборот, добрым и очень-очень печальным. Только теперь девушка сообразила, кто он.

– Добрый вечер, отец Егорий!

– Добрый вечер, дочь моя! – ответил иеромонах. Наташа перевела взгляд на Андрея... и едва не вскрикнула. Тот лежал неподвижно. Белое лицо, запавшие, плотно сомкнутые веки...

– Ничего страшного, – раздался рокошующий бас Потмакова. – Спит. Ему, знаешь, досталось.

– Можно, я обниму его? – спросила Наташа. Словно от отца Егория зависело: что им можно, а что нельзя.

– Обними, – согласился Потмаков.

Наташа мигом юркнула из-под своего одеяла под Андреево, прижалась к нему (какой горячий!), уткнулась носом в колючую щеку и уснула счастливая.

Отец Егорий прикрыл глаза... и вновь оказался под мутно-зеленой водой, внутри железной коробки, уносящей его в мглистую студеную глубину...

Глава третья

Шквал ледяной воды не оглушил Игоря Саввича, а, наоборот, привел в чувство. Вода всю жизнь была ему другом: теплая, холодная – какая разница? Потмаков приучил свое тело к любой. Дело было не в воде, а в том, что воздух уже вытеснился из машины через разбитое окно, вытеснился и ушел огромным пузырем к радужной от нефтепродуктов поверхности.

Отец Егорий расслабился и прикрыл глаза: он успел увидеть все, что хотел: мелькнувшие вверх дергающиеся ноги Андрея, безжизненное тело Пети и желто-зеленую муть, поднимающуюся вверх.

«Тонем, – подумал отец Егорий без всякого волнения. И тут же поправился: – Я тону!»

Сарычев уже ушел из суетного мира.

Отцу Егорию не было холодно. Помогала закалка. И одежда. И то, что грудь его была полна воздуха. Игорь Саввич, опытный ныряльщик, успел сделать полный вдох.

Машина мягко ударилась о дно реки, закачалась, как лодка, и остановилась. Ледяная вода струилась мимо и сквозь, через выбитые окна. Игорь Саввич приоткрыл глаза. Стало темней, но можно было различить и смутный силуэт

тела Сарычева, и продавленную сверху рамку переднего окна. Мысли отца Егория были такими же спокойными, как мягкие движения его тела. Тело же помнило, каким ему следует быть в ледяной воде. Игорь Саввич слегка толкнулся ногами, толкнул головой труп Сарычева и, как огромный черный тюлень, выплыл, разворачиваясь набок, из мятого железного панциря «Волги». А Петр Сарычев остался внутри. Ни могучий двигатель, ни дисковые вентилируемые тормоза, ни переделанная подвеска не уберегли его. Зато сохранили жизни тем, кого Сарычев вез. Может, это станет утешением ему на том свете?

Отец Егорий медленно поднимался вверх, иногда помогая себе руками. Тело его оставалось совершенно расслабленным. Он ни о чем не думал, даже не молился – всплывал, как всплывает обрубок соснового ствола... И, когда поверхность уже заблестела над головой, увидел нечто темное, движущееся ему навстречу. Так же, не задумываясь, он схватил то, что опускалось в глубину, потом перехватил удобнее, под мышку, потому что пальцы совершенно онемели, и дважды гребанул свободной рукой, преодолевая оставшиеся метры. Шумно, бородатым тюленем, отец Егорий вынырнул из воды, выдохнул отравленный углекислотой воздух и тут же набрал полную грудь, чтобы не увлекло на дно.

Гранитный берег стеной уходил вверх. Крупинки кварца искрами взблескивали на солнце.

Правой рукой Потмаков поддерживал на поверхности голову Андрея. Ласковину повезло. Но везение это было относительным. Потому что он не дышал.

«Господи, помилуй, Господи, помилуй...» – зазвучало в мозгу отца Егория, будто обнимая каждую мысль. Мысли же были конкретные: как выбраться?

Мимо проплыла ноздреватая круглая льдина в метр шириной.

Слегка отталкиваясь ногами, Игорь Саввич позволил Неве нести их вдоль берега, неприступного, как крепостной бастион. Изредка сапоги Потмакова задевали дно, но толку от этого не было. Слишком высоко.

За себя-то отец Егорий не беспокоился. В шерстяной одежде, голова снаружи (волосы даже ледком не прихватило: тепло, солнце), он мог хоть полчаса проплавать без малейшего для организма вреда. Но Андрей...

– Смотри,– сказал молодой парень своей подруге.– Первые купальщики! – и засмеялся.

Девушка, перегнувшись через перила моста, посмотрела, куда он показывал.

– Да они же тонут! – закричала она.– Витька, что ты стоишь, дурак!

– А что я могу? – огрызнулся парень.

Бог позаботился о них. Отец Егорий увидел впереди широкие ступени, сходящие к реке и исчезающие под ее поверхностью. Кое-как он выбрался на площадку и вытащил из воды Андрея...

– Во, видишь? – сказал парень, глядя, как «купальщики», словно подмокшие насекомые, выкарабкались из воды.– Сами управились, нормально! Че ты панику гонишь!

– Давай беги к ним, я сказала! – закричала девушка, пихнув его в бок.

Парень нехотя двинулся... и остановился.

– Ну? – победоносно заявил он.– Сказал, без нас обойдутся!

Напротив спуска притормозила машина. Из нее выскочил человек и, прыгая через две ступеньки, сбежал вниз.

– Чурбан ты! – сказала девушка и попыталась отстраниться, когда парень притянул ее к себе. Но сердиться ей было лень: больно день хороший.

Руки и ноги отца Егория плохо повиновались ему. К тому же, понимая, что Андрею срочно нужна помощь, он совершенно не представлял, как за несколько минут добраться до места, где ее могли оказать.

Топот ног заставил Потмакова поднять голову. Какой-то мужчина бежал к ним. Человек этот был отцу Егорию незнаком, и потому иеромонах инстинктивно прикрыл собой тело Андрея. Человек довольно грубо отпихнул отца Егория и,

подхватив Ласковина под мышки, поволок наверх.

– Стой! – закричал отец Егорий и, поднявшись, попробовал догнать незнакомца. Но за то время, за какое незнакомец с ношей поднимался на три ступеньки, Потмаков, с трудом переставляющий ноги, одолевал одну. Когда, оставив за собой мокрую полосу на граните, отец Егорий выбрался на набережную, незнакомец уже затолкал Андрея в машину. Уложив на правое, опущенное, сиденье, он стаскивал с Ласковина куртку.

– Ты что делаешь! – невнятно, одеревеневшими от холода губами крикнул Игорь Саввич.

Незнакомец проигнорировал его крик. Содрав куртку, он не стал возиться с рубашкой, попросту рванув ее в стороны так, что посыпались пуговицы. Отец Егорий увидел, как незнакомец замахнулся, но помешать ему не успел.

Резкий удар – деревянное «бум»! – и на обескровленной коже проступило фиолетовое пятно.

– Не тронь его! – закричал отец Егорий и вцепился в руку незнакомца.

Тот, даже не взглянув на иеромонаха, шевельнул плечом – и Игорь Саввич отлетел назад, не упав только потому, что успел ухватиться за дверцу машины.

– Бум! Бум! Бум!

Целая серия ударов обрушилась на грудь Андрея. Тело его сотрясалось, а голова, дергаясь, стукалась затылком о подушку заднего сиденья.

– Хо! – громко сказал незнакомец и перестал лупить по грудной клетке Ласковина.

– Ну-ка, отец, посторонись! – произнес он, поворачиваясь к Потмакову. И, рывком приподняв тело Андрея, бросил его животом на свое колено.

Игорь Саввич увидел, что спина Ласковина исполосована неглубокими порезами. Кровь из этих ран не шла. Очень плохо.

Звонкий шлепок, от которого отец Егорий вздрогнул. Это незнакомец с силой хлопнул ладонью по пояснице Андрея. И тут же изо рта Ласковина хлынула на асфальт вонючая жижа. Незнакомец выждал с полминуты, потом приподнял Андрея и встряхнул, как мешок, из которого вытряхивают остатки содержимого, затем вытер платком лицо Ласковина и опрокинул того обратно на сиденье.

– Надо... искусственное дыхание,– проговорил отец Егорий.

С опозданием он сообразил, что незнакомец, хотя и не совсем обычными методами, оказывает Андрею первую помощь.

– Шо такое? – резко поворачиваясь к нему, рявкнул незнакомец.– Цирк тебе тут? Сгинь с глаз моих, пока я не встал!

Отец Егорий опешил, но, как оказалось, фраза была обращена не к нему, а к мужику, с любопытством заглядывающему сбоку.

– Да я... может, помочь? – пробормотал мужик, пятась.

– Искусственное дыхание,– напомнил отец Егорий.

Незнакомец дернул себя за ус, покосился на Потмакова.

– Может, я? – предложил Игорь Саввович.

– Стой где стоишь,– отрезал незнакомец. Но без агрессивности в голосе. И ткнул Андрея пальцем под ребро.

Эффекта не было. По крайней мере, выражение удовлетворенности исчезло с лица усатого мужчины.

Он повторил свой прием, нахмурился еще больше и довольно ловко (учитывая тесное пространство салона) перевернул Андрея на живот. Положив руки на изодранную спину Ласковина, он напрягся так, что длинное лицо побагровело, налившись кровью. Спустя примерно минуту, тяжело дыша, незнакомец опять перекинул Андрея навзничь.

– Молись Богу своему! – бросил он отцу Егорию.– Вслух молись!

«Что ж,– подумал Потмаков,– от молитвы вреда не будет!»

«Скорый в заступлении един сый, Христе...» – начал он и вдруг остановился. На язык просились другие слова, и отец Егорий не стал противиться.

«О великий угодниче Христов, страстотерпче и врачу многомилостивый Пантелеймоне! Умилосердися надо мною, грешным рабом...»

Рука незнакомца легла на солнечное сплетение Андрея. Вторая же двигалась над его грудью, мерно, вверх, вниз...

«...услыши стенание и вопль мой, умилостиви небесного верховного Врача душ и телес наших, Христа Бога нашего, да дарует ми исцеление от недуга, мя гнетущаго. Приими недостойное моление грешнейшаго паче всех человек. Посети мя благодатным посещением. Не возгнушайся...»

Незнакомец отнял руку от диафрагмы Андрея и двумя ладонями стал совершать резкие движения над телом. словно сдавливал его через посредство невидимых поршней.

К страху своему отец Егорий увидел, как в такт этим движениям, хоть и происходят они не ближе пяди от тела, на голубоватой коже образуются слабые вмятины, как будто от физического нажима.

Игорь Саввич испугался, но голосом не дрогнул и продолжал чтение...

«...греховных язв моих, помажи их елеем милости твоея и исцели мя; да здоров сый душею и телом, остаток дней моих, благодатиею Божиею, возмогу провести в покаянии и угождении Богу и сподоблюся восприять благий конец жития моего. Ей, угодниче Божий! Умоли Христа Бога, да предстательством твоим дарует здравие телу моему и спасение души моей. Аминь».

Незнакомец прекратил свое действие, откинулся назад, закрыл глаза.

Отец Егорий поддернул свитер, с которого до сих пор стекала вода.

– Замерз? – не открывая глаз, спросил незнакомец.

– Нет,– ответил Игорь Саввич.

Он и впрямь холода не чувствовал. Не до того.

– Садись, отец,– сказал незнакомец, открывая левую заднюю дверцу.– Поедем.

Машина тронулась.

Отец Егорий осторожно взял руку Андрея. Пульс был слабый. Но сердце билось, и слышно похрипывал воздух в груди Ласковина.

– Благодарю Тебя, Спасе наш! – с увлажненными от полноты чувств глазами прошептал отец Егорий.

Спустя много часов, после долгих целительных процедур, в кои Потмаков не вмешивался, Ласковин был упакован младенцем в шерстяные одеяла и оставлен в покое.

Сам же Игорь Саввич, в шерстяных носках и толстом узбекском халате, допивал какой-то там по счету литр травяных чаев и томился беспокойством.

– Как же вышло,– спросил он еще ранее,– что вы, Вячеслав, успели столь вовремя?

– Так мой же ученик,– ответил Зимородинский, с усмешкой человека, коему палец в рот не клади.– Где ж мне еще быть, когда он в жмурики нацелился? Можете, отец, считать это интуицией.

Отцу Егорию шутка не по нраву пришлась, но он привык судить по делам, удержался от отповеди. А может, собственный грех смирил его? Или спасение человеческой жизни объединяет крепче, чем общие мысли?

– Устали? – спросил Потмаков.

– Есть маленько,– сознался Зимородинский.

Устал – мягко сказано. Вымотался в ноль. Зато вытянул Андрея, считай, из смертных врат. Теперь-то можно и передохнуть.

«Марише позвонить»,– напомнил себе Слава. Хоть и понимающая у него жинка, а надо не забыть погладить. Женщина для воина – великое дело. Защита и опора, если выбрал кого надобно. А не то – обуза и глупость.

– Домой не поедете? – спросил Зимородинский у отца Егория.

Игорь Саввич покачал головой.

– Тогда в детской вам постелю. На полу. Добро?

– Хорошо. А не то я могу около него подежурить,– предложил Потмаков, кивнув в сторону запеленутого Ласковина.

– Не нужно. Ему сейчас сон требуется, и он будет спать. И нам не повредит. Полночь уже.

– Я еще побуду,– сказал отец Егорий.– Помолюсь.

– Как хотите.

Потмаков Зимородинскому понравился. Главным образом потому, что тих был, в его работу не вмешивался безграмотно, как можно было ожидать, а, напротив, помогал ощутимо. Верою своей, крепостью духа, молитвой искренней. Это – как попутный ветер для умелого кормчего.

«Большой чистоты человек»,– подумал Вячеслав Михайлович и порадовался за Андрея.

Глава четвертая

Когда Наташа проснулась, то увидела, что отец Егорий по-прежнему сидит на стуле рядом с постелью.

– Доброе утро,– шепотом, потому что Андрей еще спал, проговорила девушка.

– Доброе утро.

Иеромонах кивнул большой головой, затем поднялся и вышел из комнаты, давая ей возможность встать и одеться.

Наташа оценила его такт.

Спустя двадцать минут, когда Наташа вышла на кухню, то увидела, что величественный гость, облачившись в ее фартук, жарит гренки.

– Ничего, что я тут хозяйничаю? – пробасил он.

Наташа пожала плечами.

– Ладно,– пообещал Потмаков,– больше не буду. А пока садитесь, Наташа, я за вами поухаживаю.

«Интересно, что он обо мне думает после вчерашнего? – подумала девушка.– Хороша я была!»

Гренки у Потмакова получились неплохие, но далеко не такие вкусные, какими вышли бы у самой Наташи.

То же можно было сказать и о кофе. Но Наташа похвалила. Ведь и гренки, и кофе – специально для нее. Сам отец Егорий ограничился чаем и ломтем черного хлеба.

– Пост,– пояснил он.

Спустя полчаса раздался звонок в дверь: пришел Зимородинский. Этот гость отказался даже от чая, но с удовольствием съел предложенное Наташей яблоко.

«Только Андрей мог свести их вместе!» – подумала Наташа, глядя на Зимородинского и отца Егория.

– Как у него дела? – спросил Вячеслав Михайлович.

– Спит, – лаконично ответил Потмаков.

– Не бредил?

– Нет.

– Отец Егорий, – спросила Наташа. – Сами-то вы поспали хоть сколько?

– Вздремнул пару часов. Мне много не нужно.

Зимородинский посмотрел с интересом и уважением. Прошлой ночью Игорь Саввич тоже почти не спал.

Это кое о чем говорит тому, кто понимает.

– Он скоро поправится? – спросила Наташа.

– Скоро, – ответил Игорь Саввич. – Я за ним уже замечал: полностью выложится – и спит. Встанет же – как ни в чем не бывало. Необычный организм. Как правило, человек не расходует себя без остатка, всегда остается резерв. Это я по старой памяти говорю, – он усмехнулся. – А вообще – вопросы к Вячеславу Михайловичу. Это его пациент.

– Что окрепнет он быстро – это верно, – сказал Зимородинский. – А вот насчет резерва... – Он помедлил. – Резерв у него есть. И будь здоров какой. Да только объяснить это обычными словами я не возьмусь.

«Да и нежелательно», – добавил он мысленно.

– А попробуйте! – попросила Наташа.

«Какие глаза у дивчины!» – восхитился Зимородинский.

– Мне проще рассказать, какой у него был резерв! – сказал он.

И с подробностями описал первое выпадение Андрея в другой мир.

Зимородинский ожидал поразить Наташу, но девушка отнеслась к рассказу довольно спокойно. Главным образом потому, что уже слышала об этом от самого Ласковина.

А вот реакция отца Егория была намного сильнее. То есть на лице иеромонаха почти ничего не отразилось, но Зимородинский уловил, какой шквал бушует внутри.

Андрей ничего не рассказывал Потмакову о своих «видениях», кроме того, что было у него в доме Антонины. И тот эпизод Игорь Саввич воспринял как обычную галлюцинацию. Теперь же описание Зимородинского настолько походило на собственный опыт Потмакова, что отец Егорий был потрясен. Хотя и попытался скрыть это от собеседников.

Чем больше Зимородинский наблюдал за иеромонахом, тем более жгучим становился его интерес. Фигура Потмакова казалась ему настолько необычной, что Вячеслав Михайлович с огромным удовольствием «покопался» бы в его карме, искал то, что делало иеромонаха таким «непростым». К огорчению Зимородинского, отец Егорий был для него недоступен. При всей своей открытости. За посвящением в сан христианского богослужителя, каким бы формальным ни казался многим этот обряд, стояла тысячелетняя традиция непрерываемой передачи Высшей Силы. Редко кто из священников полностью осознавал, какой властью облечен. Власть же эта была поистине безгранична. Вернее, ограничена только одним: верой.

– А теперь? – спросила Наташа, которую интересовало в первую очередь состояние Андрея. – Что теперь его оберегает?

Зимородинскому не хотелось врать такой чудесной девушке, поэтому он ответил тонко:

– Ангел!

Теперь наступила очередь Потмакова взглянуть на собеседника с нескрываемым интересом.

– Ангел есть у каждого, разве нет? – возразила Наташа.

– Отнюдь! – произнес Зимородинский. И отец Егорий поддержал его, кивнув. Кто бы мог подумать, что убежденный христианин и человек, которого с некоторой натяжкой можно было отнести к последователям Гаутамы, окажутся единодушны в теологическом вопросе. Впрочем, нельзя забывать, что под словом «ангел» каждый из них подразумевал свое.

– Не очень понятно, – проговорила Наташа. – Как же ангел защищает Андрея?

– Косвенно, – пояснил Зимородинский. – Через посредство других сил. Иначе говоря, когда собственных силенок не хватает, на помощь приходят другие. Или собственное недеяние ограждает воина. На Востоке великие мастера используют этот принцип не так уж редко. Например, есть притча о мастере, который катался на лодке с молодым и задиристым парнем. Парень по юношеской глупости предложил мастеру поединок на мечах. Иными словами, бросил вызов, желая прославиться. Мастер предложил юнцу сойти на берег небольшого острова, по его словам, очень подходящего для поединка. Когда же нетерпеливый и потому недостаточно вежливый юнец первым соскочил на землю, мастер спокойно оттолкнулся от берега и уплыл, предоставив ему в одиночестве поразмышлять об ответвлениях Великого Пути.

– Обычно, – продолжал Зимородинский, – эту притчу рассказывают как пример умения «побеждать не сражаясь». Но, как и всякая притча, она имеет и другие смыслы. И один из них – благотворная помощь недеяния.

– Значит, Андрей – великий мастер? – Наташа улыбнулась.

– Неверный вывод.

– Почему? Если «сила недеяния» помогает великим мастерам, и она же помогает Андрею, разве вывод не очевиден?

– Логично, Наташа,– с нескрываемым удовольствием ответил Вячеслав Михайлович.– Но вы допускаете две ошибки: первая – в точке отсчета, вторая – в формулировке. Я же сказал: «великие мастера используют силу недеяния», а не «сила недеяния использует их». Это – второе. А первое – разве мастеру угрожала смерть? По-моему, наоборот!

Наташа нахмурилась: сравнение Андрея с задиристым юнцом показалось ей оскорбительным.

– Наташа,– мягко, угадав ее настроение, произнес Зимородинский.– Отвага молодости – это же прекрасно. Пускай – глупо, но зато какие чувства она пробуждает! Вы – женщина. Разве вы не понимаете, что у истины столько сторон, сколько людей к ней прикасается.

– Андрей ведь не мальчик,– возразила девушка.– И, как мне кажется, вы сами, Вячеслав Михайлович, всегда старались удержать его от опрометчивых поступков!

– Никогда! – приложив руку к груди, торжественно произнес Зимородинский.– Я только стараюсь уберечь Андрея от последствий опрометчивых поступков! Первый навык, который получают мои ученики,– это умение падать.

Возразить было нечего.

Наташа искоса взглянула на Зимородинского и спросила:

– Вячеслав Михайлович, а меня вы взяли бы в ученицы?

– Нет! – не задумавшись ни на секунду, ответил Зимородинский.

– Почему?

Наташа стало немного обидно.

«Потому что я не беру в ученики женщин!» – таков был бы честный ответ.

Но Вячеслав Михайлович знал, что ответить честно – еще не значит ответить правильно.

– У вас, Наташа, уже есть наставник,– сказал он.– Андрей – не великий мастер. Но квалификация у него достаточная.

– Вячеслав Михайлович,– не удержавшись, спросила Наташа,– а вы меня не дурачите?

– Я?

– Ну, вы все это серьезно, насчет... ангелов?

– Я серьезен как никогда! – заверил Зимородинский.– Стыдно вам, Наташа, об этом спрашивать!

– Да, но... – девушка смутилась.– Иногда хочется какого-нибудь доказательства, что ли. Зимородинский кивнул: понимаю.

– Отец,– обратился он к Игорю Саввовичу,– скажите, нужны ли вам доказательства существования Иисуса Христа?

– Нет,– подумав, ответил отец Егорий.– Сие мне ведомо и без доказательств.

– Вот! – сказал Зимородинский.– Вот вам и ответ, Наташа. Можно мне еще яблоко?

Андрей бежал через лес. Сквозь лес. Ноги его, в мягких коротких сапогах, работали с четкостью машинных поршней – ших, ших – мерно, упруго, привычно. Андрей мог так бежать долго. Долго и бежал: полный день – с рассвета до сумерек, уже укрывших засыпанную сухими иглами землю вокруг стволов-великанов. Так же бежал он и вчера. И еще половину дня, со времени, когда, вернувшись, увидел следы чужаков на земле вокруг родного дома.

С рассвета бежал Андрей до времени, когда глаз перестает различать следы копыт на сухой земле. Так Андрей гнал бы оленя. Но не по следу оленя бежал он. И не по следу лесного быка-тура или железнобокого вепря. Не раздвоены были

копыта, промявшие землю. Не зверя лесного преследовал Андрей – всадников. Воров.

Вчера еще бежали они вдвоем, вместе с единокровным братом. Но раздвоился след, и разделились братья. Три всадника, три убийцы, три похитителя достались Андрею. Все, о чем молил Покровителей, – чтобы ему достались полонившие сестренку. Чтобы он, а не брат взял с них кровный долг.

Молод он был. И месяц не обернулся, как стал мужчиной. Но что с того, что ростом Андрей едва по плечо матерому воину. Долг на нем, а значит, и сила за ним.

Бежал Андрей и не чувствовал ног. И мешка, удобно закрепленного на спине, не чувствовал. И копыта с крепким железком – на сгибе правой руки. Один он. Но не боялся троих. Думали – уйдут от мести. Унесут их лошадки по тайным тропам в чужой лес. Не уйдут. Никогда не уйдет в лесу всадник от лесного же пешца. Потому что выносливей лошадки человек. Особенно же если толкает его в спину неотмщенная кровь. И еще надежда: копыта одной из лошадей проминали землю глубже, чем другие. Значит, несет она двойную ношу.

Стемнело. Не видно стало следов. Но Андрей продолжал бежать. В темноте. Запах дыма уловили его ноздри. А вскоре и огонек замерцал впереди. Не скрывались вороги. Надеялись – далеко ушли. Оторвались от возможной погони. Какая погоня, если всего лишь двое мужчин оставались в селении во время набега? Да и те погибли, давая возможность уйти своим в лес. А было б иначе – не осмелились бы воры набежать. А осмелились бы – умерли. А так – ушли. И добычу взяли. И еще девушку, что подвернулась по дороге, на свою беду не схоронилась, как другие.

Замерцал огонек, и перешел Андрей с бега на шаг. Шаг же его был неслышен, как у крадущегося зверя.

Вот они! Трое. И (спасибо вам, Покровители!) девушка-полонянка.

По одежде, по волосам длинным, в косы сплетенным, узнал Андрей, откуда воры. Из тех они, что живут в двадцати днях пути в доме лесном единым мужским братством. У этих все общее: еда, скот, девушки. Только оружие у каждого свое. Из рода они, что живут по старинному обычаю. Хотя теперь лишь

нетерпимцы да изгои уходят к ним в чашу. Иное время, иные боги, иные люди. Андреев же род – пришлый. Обосновались на ничьей земле семь поколений тому назад. И теперь это – их земля. И лес – их. И боги здесь – тоже их.

Андрей притаился за кустами малинника, выглядывая что нужно. Трое. Поели уже. Мяса поели – вон остатки свиного бока над огнем копятся. Поели – и отяжелели. Сытые, сонные. Скоро двое лягут, один – сторожить останется. Неважный из него сторож после такой трапезы.

По-умному было б – подождать. Но Андрей не хотел ждать. Как увидел проклятых, так все внутри закипело.

Скинул он со спины сумку, натянул тетиву, сдвинул поудобнее, развязав, тул со стрелами. Стрелы у него легкие, с костяными наконечниками. Такими ни щит не пробьешь, ни даже куртку из толстой, особо выделанной для боя турьей шкуры. Да и не надобно: совсем близко подобрался Андрей. Слышал даже, о чем говорят враги. Знамо о чем: как удачно набежали да как ушли ловко – лишь коня потеряли в охотничьей ловушке. Коня жаль, но зато девушку взяли. Привезут своим – большой почет будет. И добыча опять-таки. Немалая добыча. Береговики – они богатые!

То один, то другой бросали на полонянку нежные взгляды. Но не трогали. И не тронут, пока к себе не привезут. Первая доля от всего – старшим. Иначе – бесчестье и беда на всех.

Андрей приподнялся, наложил первую стрелу, попросил у Покровителей удачи-подмоги и спустил тетиву, мыслью провожая посланницу.

Тихо пропела стрелка (охотничья, молчаливая) и со знакомым звуком ударила в мягкое тело. В горло тому, кто показался Андрею меньшим из троих. А значит, менее ценным для кровного выкупа.

Не успела первая ударить, как пустил стрелок вторую – в другого врага. С тридцати шагов в беличий глаз попадал Андрей, а уж с пятнадцати в человеческий – как промахнуться? И не промахнулся. Еще одна пошла (три стрелы – за один вздох) и прободила третьему, на вид наибольшему, правую руку пониже локтя.

Первый умер сразу. Второй – закричал, как зверь кричит. Больно! Легка стрела. Была б тяжела, пробила бы кость – насмерть. Но не будет вору такой смерти, не будет. «Кричи, кричи, – подумал Андрей. – За криком и меня не услышишь!»

Четвертая стрела ушла – в третьего. Только он вскочил, за древко, из руки торчащее, схватился – фьют – и второе запястье навыворот, и в правую ладонь, как игла у умелой швеи. Не ошибся Андрей: третий – самый крепкий. Не вскрикнул, не потерялся, пал на землю, за бревнышко, что в костре горело. Укрыться хотел, да не успел. А Андрей успел. И пятую стрелку воткнул. В ногу. Хороши у него стрелки! Легки, тонки, хрупки. Наконечник ломкий, зазубренный. Дернешь – древко в руке, а он – в ране.

Второй же – все кричал. Да так, крича, и кинулся к оружию, меч схватил. Совсем от боли ум потерял. Одна рука глаз прикрывает (стрела между пальцев торчит), вторая мечом машет. Кого рубит? Тень свою?

А третий меж тем пополз. В темноту пополз. Услышал Андрей, как посвистывает: лошадь зовет. Услышал – лук за спину. Копьецо в руку и бегом.

Вовремя поспел: третий уже рукой окровавленной к конской узде потянулся.

Ударил Андрей копьем в лошадиный круп. Несильно, чтоб испугать. Вздернулся конь на дыбы – опрокинулся человек на спину, метнулся Андрей лаской-убийцей, кольнул копьем. Быстро, как галка клюет. И еще раз. И еще. В ногу, в плечо, в другое плечо, неглубоко, точно. И отскочил. А враг смотрел с земли, молчал. Должно, понял уже, что будет. Не тяжелы раны, да как немеют разорванные мышцы, станет человек беспомощен, как червяк.

А тот, на поляне, все еще надрывал глотку. Дурак, да и только.

Подняв лук, Андрей шагнул на освещенное костром место – дал врагу заметить себя. Но не дал ударить. Пятая стрела ослепила его окончательно. Махнул крикун мечом – отбить, да промахнулся. А Андрей – нет. Слепой еще пёр на него, размахивая оружием. Что ж, хороший клинок всегда пригодится. Хотя и не мастак Андрей рубиться: большой меч пока тяжеловат для него.

Подхватив с земли камушек с полкулака размером, Андрей сноровисто метнул его в лоб ослепленному. И тот упал.

– Ласка, ты ли? – позвала сестренка.

– А то кто ж! – откликнулся Андрей и поспешил к ней.

Перерезал путы, словами добрыми успокоил. А уж как она обрадовалась! Но успеют еще, наговорятся. Надобно дело довершить.

Огляделся Андрей и увидел нужное дерево. Сухое, мертвое, какое требовалось. Надобно начинать, и тут большему ворогу, третьему, – первая честь!

Поспешил к нему Андрей... и понял, что оплошал! Ох как оплошал!

Нету больше третьего! Ушел к пращурам своим. На лице улыбка. На горле – тоже улыбка. Алая. «Дурень, – винил себя Андрей, – не обыскал, не отнял нож! Небось из старших никто о сем не позабыл бы!»

Однако делать нечего. Добро хоть второй жив.

С превеликим трудом поднял его Андрей, привязал к стволу сырыми ремнями, из свиной шкуры нарезанными. Тяжел был ворог и ростом удался: Андрей ему едва плеча достигал.

Никогда еще сам не приносил жертву покровителям Андрей. Но что делать – знал. Всякий посвященный в мужи знает.

К рассвету закончил. Осталось лишь обгоревшее дерево да черный скрюченный труп на пепелище.

Андрей пошел к ручью – ополоснуться. На день-два и этого хватит. А дома – очистительный обряд свершат как надо. Чтобы не потянулись следом души двух других мертвецов.

Умываясь, потрогал Андрей пальцем пушок над верхней губой: не прибавилось ли? Ведь сколько он свершил доблестного! Вроде прибавилось. Хотелось рассмотреть себя в зеркале ручья, но бегуча вода, и водяной дух играет отражением – не уловить лица человеческого.

Труп самоубийцы уже успел обгрызть кто-то из звериной братовни. Да труп Андрею и не нужен. Он только стрелы вырезал.

Сестренка лежала у погасшего костра, завернувшись с головой в волчью шкуру. Не спала, конечно. Смотреть ей нельзя, но не слышать криков не могла. Велик телом враг, да хлипок оказался. Не раз пожалел Андрей, что недоглядел третьего. Тому бы уж покровители порадовались.

– Вылезай,– велел он сестренке. Хоть на два лета старше она, а теперь он – старший. Мужчина.

– На, поешь! – протянул мех с медом и кусок засохшего вчерашнего мяса.

Сам только воды попил. Есть – нельзя.

– Спасибо, Ласка,– поблагодарила сестренка.– Ты – великий воин!

Приятно стало Андрею. Оттого что искренняя похвала.

– Пойду коней поищу,– произнес он важно.– Ехать пора – путь неблизок.

Ласковин проснулся, увидел над собой знакомый потолок, люстру – и успокоился. Понял, где он. Недавний сон быстро выветривался из памяти, но оставил после себя хорошее чувство. Хотя страшен был, если вдуматься.

Подушка, на которой Андрей спал, пахла Наташей.

Ласковин прислушался. Из кухни доносились голоса. В основном голос его сэнсэя. Значит, Слава уже здесь. Отлично.

Андрей поднялся, подвигал позвоночником, суставами, проверяя, насколько он – в порядке. Что ж, вполне, вполне.

Натянув брюки, Ласковин отправился прямо на кухню. Во-первых, хотел сообщить, что встал, во-вторых, потому что был голоден.

Первым увидел его Зимородинский.

– Ага! – произнес он со знакомой иронией. – С добрым утром, утопленник!

– И тебе – того же! – парировал Андрей, поцеловал в щеку Наташу, поприветствовал отца Егория и сел на свободное место.

– Едите? – спросил он. – А мне?

Глава пятая

Зимородинский уехал. Перевозить домой от тещи свое семейство. Отец Егорий тоже порывался отправиться домой, но Андрей убедил подождать. Хотел подольше скрывать факт их спасения. По возможности до тех пор, пока не отыщет убийцу и не попотчует из того же котла. Настроен Ласковин был жестко. Сарычева он считал своим другом. И полагал, что за смерть следует наказывать смертью. Равно же он намеревался мстить за попытку убийства отца Егория. Покушаться на человека, который никогда, даже имея на то силу, не ответит ударом на удар, – все равно что умертвить ребенка. За себя Ласковин собирался рассчитываться в последнюю очередь.

А ведь тот Ласковин, что ехал солнечным днем по Кутузовской набережной на заднем сиденье «Волги», тот Ласковин почти принял идею о непротивлении злу силой. «Добрый» Ласковин утонул в студеной невской водичке. Тридцать лет – рубеж. Дошедший (доживший) до него выбирает, кем ему быть там, за границей зрелости. Бросивший бомбу сделал выбор за Андрея. Вернее, дал ему повод выбрать «более легкий» путь.

Вряд ли Ласковин отдавал себе отчет, что это всего лишь повод. Что предпочел он «путь смерти» не от доблести своей, а потому, что множество сил грубо и неутомимо подталкивало Андрея на эту дорожку. Второй же, «путь жизни», оказывался для Ласковина неудобным и непривычным. Посему – неправильным. И только два человека старались подвести Андрея к «доброму» выбору. Один – тот, что, по крайней мере, трижды спас его тело, но так и не смог укрепить и уберечь его душу. Теперь они расходились далеко и надолго, хотя ни отец

Егорий Потмаков, ни Андрей Ласковин еще не знали об этом.

Могучие силы, побуждавшие Ласковина действовать, обострявшие его желания и подстегивающие чувства, не заботились о чистоте его души. Так не заботится о царапинах сражающийся с лесным пожаром. Но в каждую царапину может проникнуть яд и повлечь за собой смерть куда более долгую и страшную, чем от жара и удушья.

Теперь только один человек способен был защитить Андрея от разбуженного в нем зла.

Наташа.

Отец Егорий дал себя уговорить. Хотя хотелось ему, не откладывая, идти к митрополиту и, буде тот согласится, принести свое покаяние и испросить: что же дальше?

«Боже, почему Ты меня оставил? – спрашивал отец Егорий с неведомым ему прежде смирением.– Почему?»

Тих стал отец Егорий Потмаков. Так тих, что Ласковин не раз и не два поглядывал на него с опасением: здоров ли? Не заболел?

Да, заболел. Но не телесным недугом. Молча сидел Игорь Саввович в уголке на кухне, не пытался искать помощи ни в Писании, ни в словах Христовой молитвы. Его собственная молитва была беззвучна. Ничего не просил он у Бога. Ничего.

Наташе было трудно соединить облик своего гостя с образом того отца Егория, о котором рассказывал Андрей. Тот был решителен, громогласен, настойчив до упрямства и скор в наставлении и действии. Этот – тих, добр, молчалив. Незаметен – вот точное слово. Именно он спас жизнь ее Андрею. Именно от него ждала Наташа, что умерит холодную ярость ее друга. Но Игорь Саввович ничего не говорил. На вопросы же обычные отвечал коротко: да, нет, хорошо.

– Может, вы прилечь хотите? – интересовалась Наташа.

– Нет, не беспокойтесь, мне здесь удобно. Прошло несколько часов, и они с Андреем действительно перестали его замечать. Дело даже не в том, что молчит, а в том, что... почти слился со стеной. Не человек. Часть пространства.

Когда стемнело и Андрей хотел зажечь на кухне свет, Наташа сказала: не надо. Она чувствовала: отца Егория нельзя сейчас трогать. Как нельзя трогать человека, потерявшего кого-то из близких. Что-то похожее испытывала она сама... вчера.

– Но я должен ему помочь! – воскликнул Андрей, чья натура требовала действий.

– Как? – поинтересовалась Наташа.

– Ну... не знаю. Может, у него шок? Хотя что я болтаю? Это же отец Егорий!

– Что ты о нем знаешь?

– Я? – Ласковин задумался и вдруг сообразил – ничего. Ничего он не знает об этом человеке.

– Хоть сколько ему лет? – Андрей только покачал головой:

– Не спрашивал. Лет сорок пять...

– А мне кажется – больше.

Ласковин только вздохнул. Порыв его угас. Вернее, переключился на более конкретные дела.

– Который час?

Наташа взглянула на настенные часы:

– Полседьмого.

– Тогда я поехал.

Андрей поднялся.

«Куда?» – глазами спросила Наташа.

– Нельзя терять времени, – пояснил Андрей. – Сейчас я – охотник, а когда станет известно, что мы живы, – могу стать дичью.

«Когда-то я уже это говорил? – подумал он. – Дежавю?»

– Будь осторожен!

«Ты понимаешь: я не переживу этого дважды!»

– Не беспокойся.

«Я не оставлю тебя одну, чудная моя!»

– Я буду до отвращения осторожен, – пообещал Ласковин. – Клянусь!

Тир располагался в переоборудованном подвале гражданского бомбоубежища. Вход – только по пропускам. Причем пропуск на каждого хранился прямо здесь, в ячейке под определенным номером. Пропуск Ласковину сделал по просьбе Сарычева (покойного Сарычева!) его старый приятель. Тот самый, на которого сейчас рассчитывал Ласковин.

Вахтер, офицер в отставке, которому давно перевалило за пенсионный возраст, при появлении Ласковина сказал:

– Долго жить будешь!

– Что? – удивился Андрей. – Вспоминали?

– Не то чтобы вспоминал... Слыхал, ты умер, а? А тут, как говорится, верная примета: долго жить будешь, парень. На, твои.

Он протянул Андрею коробку стандартных патронов браунинга, 7,65 мм, для автоматических пистолетов.

– Полтинник, как обычно?

– Да,– подтвердил Андрей и протянул деньги.

– Еще сотку,– сказал старик, пересчитав их.

– Ошибся? – удивился Ласковин.

– Инфляция.

Андрей добавил.

– Спасибо.

– О чем речь, сынок. Иди, работай.

Как ни любопытно старику узнать, отчего вдруг Андрей Ласковин умер – и жив, но не спросил. Не приучен спрашивать. Вернее, приучен не спрашивать.

И болтать о том, что видел «покойника», не будет. Что немаловажно.

Среди тех, кто приходил сюда поупражняться в стрельбе, у Андрея был только один «знакомый», и Ласковин знал: человек этот приходит сюда регулярно, три раза в неделю, практически в одно и то же время. Представлен Андрею он был под именем Вадим.

Андрею повезло. Тот, кого он искал, был здесь. Но торопиться не следовало.

Ласковин занял свободную позицию, надел наушники и нажал кнопку, поднимающую поясную мишень. А потом еще одну, приводящую мишень во вращательное движение с интервалом сорок оборотов в минуту.

Зарядив и вставив обойму, Андрей начал огонь сериями из двух выстрелов: пара на оборот, как учил Сарычев. Закончил, опустошив магазин, одиночным (пятнадцать на два не делится), полюбовался на результат: хило!

– Здорово! – раздалось за спиной.

Внешне Вадим напоминал производственного начальника среднего уровня. Простой мужик, не алкаш, но и не трезвенник, не дурак, но и не выдающегося ума. Маловыразительное лицо, тихий хрипловатый голос заядлого курильщика. И одет соответственно: скромно, серо. Может, когда-то Вадим и работал на заводе. Но очень давно.

– Жив, значит?

По голосу было трудно определить: рад он или огорчен.

– Как видите.

– Ко мне пришел?

Андрей кивнул.

– Паршиво отстрелялся.

– Паршиво, – согласился Ласковин.

– Бывает. Заканчивай. Я снаружи подожду.

Из пятидесяти патронов Ласковин расстрелял тридцать пять. Оставил себе одну обойму. Конечно, можно и в магазине купить, но тут – проще.

Вадим подждал его на улице. Курил, прислонясь к телефонной будке.

– Пойдем, – бросил он Ласковину. Андрей не спросил – куда. Его спутник сам объяснил через несколько минут:

– Помянем покойника.

Пили они в грязноватом зальчике. Пили водку, которую Вадим купил по дороге.

Пили молча. Только после четырех стопок Вадим произнес невыразительным голосом:

– Искать будешь?

– Буду, – так же тихо ответил Ласковин.

Налили еще.

– Земля – пухом, – пробормотал Вадим.

Опрокинули.

– Поможешь? – спросил Андрей.

Вадим поставил стакан, зажег папиросу, затянулся.

– Петьку не воскресишь, – сказал он.

Ласковин нахмурился, скрипнул зубами, водка жгла его изнутри:

– Найду. И урою.

Вадим, не ответив, наполнил стаканы, вытащил из кармана бумажку:

– Пойди водички купи.

Андрей сделал вид, что не заметил денег, встал и принес литровый цилиндр «швепса».

Вадим звякнул своей посудиной о стоящий на столе стакан Ласковина.

– За тебя.

Свернув колпачок, глотнул газировки прямо из бутылки, поставил, положил на стол карточку с телефоном.

– Завтра звони. После обеда.

Сунув в карман недопитую бутылку, пошел к выходу. Ласковин остался со своей водкой в стакане, «швепсом» и визиткой без имени.

– За меня! – сказал он сам себе, выплеснул водку в рот и наполнил стакан газировкой.

Потрепанная местная девушка приземлилась на освободившийся стул.

– Не угостишь даму, умный мужчина? – попросила без особой надежды.

Андрей глянул на нее мрачно, двинул вперед «Херши».– Пей! – сказал он. И ушел.

Глава шестая

День был бледен, как тень отца Гамлета. Вставать не хотелось. Ласковин, впрочем, с детства любил поспать подольше. Или просто поваляться в постели. Слабость, конечно. Но, как говаривал Вячеслав Михайлович Зимородинский, «без слабостей и человека нет – один монумент». Понимай так: не осталось у тебя слабостей-привязанностей-привычек – значит, скоро помрешь. Обратной силы, к сожалению, правило не имело.

Наташа, разумеется, уже была на ногах. Андрей выпростал руку из-под тепла одеяла и потрогал ее половину постели. Там уже не осталось Наташиного тепла. Давно встала. Ласковин втянул руку обратно. Как черепаха – лапу под панцирь. Мысленно представил лежащий рядом меч. Меч, который по ночам отделяет их друг от друга. Все, что можно себе позволить, – это взяться за руки. Добровольная жертва. Такая угодна судьбе. Может, поэтому он еще жив?

Андрей охватил сознанием всю небольшую Наташину квартиру – от одного зарешеченного окна до другого. Теперь это его мир. Его маленький замок. Внутри – люди, которых он должен хранить и оберегать. Кажется, понемногу Ласковин начал осознавать, что имел в виду «двойник», говоря – «мир». Не открывая глаз, не напрягая слуха, Ласковин осязал свое небольшое пространство. Он представлял, как отец Егорий сидит на кухне, в своем углу справа от окна, под резными листьями манстеры. Сидит и молчит, похожий на огромного взъерошенного ворона. «Невермор». И тень старинной решетки на его коленях.

А Наташа, наверное, стряпает что-то вкусное. Или раскрашивает очередную досочку, или... Мысли Андрея вернулись на полшага назад . К дому-за?мку. К дому-замку?. И потекли параллельно.

Звук открывающейся входной двери. Ласковин насторожился... и расслабился. Это Наташа. Значит, ее не было на кухне...

«Блестящее умозаключение»,– подумал Андрей и иронически улыбнулся той, на портрете. Все, подъем.

Замок он действительно купил и поставил в тот же день.

Хороший, германский, с отметкой «не дублировать» на каждом ключе, с цепочкой из специальной стали, какую и автогенем не вдруг разрежешь. Наружную дверь укреплять не пришлось. Сработанная в прежние, добротные времена, она не уступала железной: прочная, тяжелая, идеально пригнанная к коробке.

Закончив с дверью, Ласковин проверил и решетки на окнах. Удовлетворительно.

Наташа против его деятельности не возражала. Хочется – пусть делает. Ее куда больше беспокоил отец Егорий. Разве можно, чтобы человек вот так просидел сутки, словно неживой.

– Я его домой отвезу,– сказал Ласковин.

Вчера Андрей разговаривал с Григорием Степановичем. Смушко, как всегда, показал себя человеком разумным и осторожным. С предложением до времени держать в тайне их «воскрешение» староста спорить не стал. Тоже полагал, что надобно молчать хотя бы до того, как завершится пляска вокруг убийства. Милиция навестила его разок, но и только. Закончится кампания в прессе, расследование теракта перейдет в вялотекущую стадию. А то и вообще угаснет, если не будут трясти сверху. Глядишь, и убийца подвернется.

По закону и Ласковин, и Потмаков обязаны явиться и дать показания. Вот тут Смушко по собственной инициативе подстраховался. В рабочем столе уже лежали заверенные справки о том, что оба пропавших без вести тяжело больны, а следовательно, никуда явиться не могут.

– Я привезу его сегодня,– сказал Ласковин.– Хорошо бы вы нас встретили, Григорий Степанович.

– Встречу,– ответил Смушко.– Как батюшка?

– Неважно, поэтому и привезти хочу. Может, дома отогреется. Да и надежней у вас, охрана и прочее.

– А ты? – спросил Смушко.– Может, тоже переберешься с девушкой своей? Места хватит.

– Нельзя,– отказался Андрей.– Мне свободные руки нужны, а дом ваш – как на ладони. Я же не прятаться собираюсь, а действовать. Так что спасибо, нет.

– Как знаешь. Машину, кстати, сам заберешь? Или пригнать?

– Пока пусть стоит, если не мешает. Не мешает?

– Двор большой.

– Через пару дней ее номинальный хозяин заберет. Я с ним договорюсь, так будет естественней.

– Шпионские страсти! – смешок старосты был не очень-то веселым.

– Отец Серафим не звонил?

– Разок. Выразил соболезнования. Спросил, чем может поддержать, в смысле, не принять ли общину под свое крыло?

– И вы? – заинтересовался Андрей.

– Пусти козла в огород... – с иронией произнес Григорий Степанович.

К отцу Серафиму он относился не лучше, чем Ласковин.

– Когда вас встречать? И где?

– К восьми, – сказал Андрей. – Как стемнеет. Скажем, у метро «Просвещения»?

– Годится. «Просвещения». Без десяти восемь. Встречу вас у эскалатора.

Определившись с отцом Егорием, Ласковин позвонил Вадиму.

– Еще не готов, – сухо сказал тот. – Завтра звони.

– Вадим, – сдержанно произнес Андрей, – у меня нет запаса времени!

– Сожалею.

«Ни хрена ты не сожалеешь!» – сердито подумал Андрей.

С удовольствием послал бы друга покойного Сарычева (если такой человек, как Вадим, мог быть кому-то другом), но – нельзя. Нет у него возможности отказываться от помощи.

– Хорошо, – согласился он. – Завтра. И еще. Я хочу выяснить, по какому адресу зарегистрирован телефонный номер. Это можно?

– Может быть. Диктуй.

Клочок бумаги с телефоном «Михаила» Андрей уже держал в руке.

– Значит, завтра? – сказал Ласковин, прочитав семь цифр.

– Адрес? Нет, подожди. Делаю запрос...

– Есть, – сказал Вадим через несколько минут. – Пиши... Улица Правды...

«Зря взъелся на человека, – подумал Андрей, положив трубку. – Просто манера у него такая... снисходительная».

Прямо над дверью висела табличка: «Опорный пункт милиции». Андрею – не туда. «Опорный пункт» размещался на первом этаже. Второй занимал «Независимый фонд помощи населению», третий этаж принадлежал редакции газеты «Бизнес-ревю», четвертый поделили между собой «Общество любителей старинной музыки „Клавесин“ и негосударственный пенсионный фонд „Содружество“». На последнем висел замок и прилеплена написанная от руки бумажка, извещавшая, что „Содружество“ больше ни с кем дружить не хочет.

«Паноптикум», – подумал Андрей, поднимаясь еще выше.

На пятом этаже табличек не было, только номер квартиры. И звонок. Андрей нажал кнопку – и дверь открылась. Как просто. Нет, не совсем.

В дверях стоял парень лет семнадцати, облаченный в серую рубашку с латунными пуговицами и такие же штаны. С лампасами, на генеральский манер. На правом рукаве красовался шеврон-птичка. Надо же!

На грозного «Михаила» парень не тянул, но лицом был строг.

– Проводи к командиру, – произнес Ласковин, напуская начальственный вид и по-военному, палкой, выпрямляя спину.

Сыграно было точно.

– Следуйте за мной, – четко ответил парень и двинулся по коридору.

Совсем неплохо. Войти оказалось не трудней, чем в бандитскую хазу на Мастерской в памятные времена.

Они двигались по коридорной кишке мимо дверей, за которыми кипела работа: журчали голоса, гудели ксероксы, тренькали телефоны. По дороге миновали группу из трех парней и девушки, с любопытством поглядевших на Ласковина.

На парнях была такого же замечательного цвета форма, на девушке – плечистая куртка и кожаный пояс, который окружающие могли считать юбкой. Ноги у девушки были кривые. Физиономии парней – юные и несколько быковатые. Но без зажавшейся наглости низовых бандитов.

Искомая дверь, разумеется, оказалась в самом конце.

– К вам, командир! («Надо же – угадал!» – подумал Ласковин.) – доложил парень. И пропустил гостя вперед.

За дверью оказался не один «командир», а целых три. Двое – в полной «мышастой» форме, один – так сказать, в штатском. Этот сидел вольно, на широком подоконнике. Второй расположился в кресле, а третий – за столом, заваленным бумагами. Лица у всех троих были похожие, как у богатырей на распутье. И у всех троих, что примечательно, – по кобуре под мышкой.

На Ласковина отцы-«командиры» посмотрели, как небезызвестный джинн из мультфильма – на барона Мюнхгаузена: не видишь, мы кушаем!

– Вы из Тулы? – спросил тот, что в кресле.

– Из Петербурга, – разочаровал его Ласковин.

– Тогда подождите снаружи, вас вызовут, – буркнул тот, что за столом, лет сорока мужчина, с изрядной плешью и губами, сложенными так, будто он по ошибке откусил кусок дерьма и стесняется выплюнуть.

Ласковин сделал вид, что не услышал. Поскольку стульев в комнате не было, он подошел к столу, сдвинул в сторону кучу папок и уселся напротив плешивого.

Последовала безмолвная дуэль взглядов, и плешивый сдался.

– Ладно,– проворчал он.– Выкладывай, что накипело. Ты из какого филиала, кстати, что-то я не припомню...

– Я – из комиссии по борьбе с грызунами,– усмехнулся Ласковин.– Как, не беспокоят?

– Фрупов,– недовольно произнес плешивый, переводя взгляд с Ласковина на «штатского».– Ты как, мать твою, кадетов школишь? Почему пускают всех подряд, как в бесплатный сортир?

Названный Фруповым лениво потянулся.

– Ты мне на летний лагерь сколько денег отпустил? – осведомился он.– Кто жмотничает на боевой подготовке, тот остается где? Правильно, майор, в жопе. Это я шучу,– пояснил он почему-то Ласковину.– Нет у нас грызунов. Только двуногие. Всего хорошего.

– Ну давайте хоть поговорим,– в той же манере произнес Ласковин.– Подружески. Может, узнаем что... полезное.

– Дядя шутит,– сказал Фрупов и еще раз потянулся.

– Дядя не понимает,– поправил тот, что сидел в кресле.– Кликни кадета, майор, пусть выкинет дядю на хер!

– Сам кликни,– буркнул плешивый. И Ласковину: – Слезь со стола, парень. Ты не туда попал. Здесь военная организация. Так что двигай сам, пока тебя действительно дежурный не вынес.

– Военная? – Ласковин скептически поднял бровь.– Не вижу погонов, товарищ майор.

– Военизированная,– поправил с подоконника Фрупов.– Но для тебя – без разницы, крысолов. Дежурный! – гаркнул он.– Подь сюда!

– Не надо,– миролюбиво произнес Ласковин.– Зачем парня обижать. Я сам уйду, если на пару вопросов ответите.

– А вот я тебе башку прострелю,– злобно сказал «майор», ловко выхватив пистолет и направив в лицо Андрея.– Вот тебе и ответ, киздюк!

Ласковин, держа лицо, отпихнул пистолет в сторону.

– А разрешение у тебя есть... военизированный? Или трофейный, из Чечни? Итак, вопрос первый: кто из вас Михаил?

Трое переглянулись, «майор» опустил пистолет. В комнату заглянул парнишка, очень похожий на того, что впустил Ласковина.

– Звали, командир?

– Исчезни пока,– не взглянув на него, приказал «майор».– Фрупов, запри-ка дверь.

«Орел» Фрупов соскользнул с подоконника. Ласковину он нравился все меньше и меньше. Высокий, худой, небрежно расслабленный, длинные, по-марионеточьи болтающиеся руки, походка негра-танцора... Держать его в поле зрения, не поворачиваясь, Андрей не мог, а затылком за таким не уследишь. Щелчок запираемого замка, бесшумные шаги...

– Михаил, ты сказал? – произнес «майор», прощупывая Андрея кабаньими глазками.– А зачем тебе Михаил?

– Вот ему я и скажу,– ледяным тоном ответил Ласковин.– А он вам передаст... если захочет.

Пауза. «Орел» Фрупов разместился за спиной. Ждет. Неясно, на что способен третий, тот, что в кресле. Тоже, наверняка, вояка. Жилистый, обветренное лицо, под ногтями – черная кайма, лет под пятьдесят...

– Михаила здесь нет,– сообщил «майор», подумав.– Но я – его начальник. Мне можно говорить все.

Андрей скептически поднял бровь, одновременно прикидывая, удастся ли обезоружить плешивого. Нет, вряд ли. Может, зря он сам пришел без оружия, поосторожничал?

– Откуда вам известно о Михаиле? – вмешался третий.

– Известно, – Ласковин усмехнулся как можно наглее, чувствуя затылком придвинувшегося Фрупова.

– Допустим, я Михаил, – сказал третий.

– Тезка? – усмехнулся Ласковин.

– У нас завелся болтун, – ни к кому конкретно не обращаясь, произнес «майор». – Вопрос – кто? И это мы сейчас узнаем!

Пистолет его уткнулся в бок Ласковину, а ловкие руки Фрупова тут же обшарили Андрея с ног до головы.

«Нет, хорошо, что я не взял пистолет», – подумал он.

– Без начинки, – закончив обыск, сообщил «орел» Фрупов.

– Включи-ка телевизор, – велел ему «майор». – Что-нибудь побойчее!

Ласковин услышал, как Фрупов направился к телевизору, и решил, что лучшего момента не будет.

Резкий удар ребром ладони, сиюто, по предплечью «майора». Рефлекс – пальцы разжались, пистолет, соответственно, выпал и оказался у Ласковина. Левая рука его легла на затылок «майора», вздернула его голову вверх и опустила вниз, физиономией в стол. Ходить «майору» с распухшим носом!

Поворот. Фрупов, мигом оценив ситуацию, уже уходил с линии, одновременно выхватывая пистолет. Третий тоже потянулся к кобуре, но двигался вдвое медленнее.

– Стоять! – крикнул Ласковин, направляя пистолет в голову третьего.

Фрупов (сообразительный, понял, что сказано ему!) остановил движение посередине. Естественно, и взятый под прицел тоже убрал руку с оружия.

– Стреляй! – хладнокровно предложил Фрупов.– И ты трупак!

– Я уже трупак,– поморщился Ласковин.– В некотором смысле. Только рискни – и я его пристрелю. Думаю, что и тебя тоже успею. На бронежилет не очень рассчитывай. Это ведь «тэтэшка», прошьет – и сам не заметишь.

– Мой – не прошьет,– возразил «орел» Фрупов.– А ты глазастый мальчик!

Ласковин видел, как он «обрабатывает» данные, ища выход. И тянет время, естественно.

– Спасибо, что предупредил,– сказал Андрей.– Значит, буду в голову стрелять, если не договоримся. Давай, разоружайся!

– Хрен с тобой,– весело произнес «орел» Фрупов и двумя пальцами, медленно, вытянул из кобуры пистолет, осторожно положил на пол и подтолкнул ногой к столу. Да, понятливый, ничего не скажешь. Теперь, Ласковин, наклонись за «стволом», четыре метра для профессионала – не дистанция. Вернее, оптимальная дистанция для атаки. Ишь, напряжился!

Андрей многозначительно посмотрел на пистолет, потом на Фрупова и показал левой рукой – назад.

«Орел» улыбнулся. И отошел к стене. Они хорошо понимали друг друга.

– А теперь – ты! – сказал Андрей третьему. Тот, похоже, пребывал в растерянности: ожидал от своего коллеги более решительных действий.

– И к стеночке! – приказал он, когда еще один пистолет оказался на полу.– Фрупов,– вежливо попросил Андрей.– Повернись спиной, пожалуйста! Хорошо. А теперь поддержи штанины! Очень хорошо. А теперь сними куртку. И жилет тоже,

пожалуйста. Замечательно.

– Нет у меня ничего,– сказал Фрупов,– а «броню» для тепла надел, мерзну!

«Похоже, он получает от всего этого удовольствие?» – удивился Андрей,

– Надень,– разрешил он.

«Майор» начал приходить в себя, замычал, зашевелился.

Ласковив соскочил со стола и перебрался на подоконник, на предыдущее место Фрупова.

– Вот и славно,– резюмировал он.– Рассаживайтесь поудобней, господа командиры!

– Киздюк! – злобно сказал «майор». Из носа у него шла кровь.

– Не надо грубить,– посоветовал Ласковин.– А сейчас мне нужен Михаил!

– Я схожу? – предложил Фрупов, двусмысленно улыбаясь.

«Конечно, ты меня не отпустишь?» – «Конечно, не отпущу».

Обмен красноречивыми взглядами.

– Позвони,– предложил Ласковин.

– Там нет телефона.

– Зря ты это затеял,– пробурчал «майор», осторожно трогая расквашенный нос.– Или тебя наняли?

– Там точно нет телефона,– повторил Фрупов.– Нет, майор, его не наняли. Кто за наши шкуры такие деньги заплатит?

– Тогда за каким хером он приперся? – спросил «майор».

Ласковин почувствовал острое желание врезать ему еще разок.

– Я не люблю, когда убивают моих друзей, – холодно сказал он. – И не люблю, когда меня самого пытаются убить.

– А он мне нравится, – серьезно произнес Фрупов. – У нас похожие вкусы.

– Ты, – Ласковин указал на третьего, – пойдешь и приведешь Михаила. И я задам несколько вопросов. После этого мы разойдемся... или не разойдемся.

– Мы найдем тебя, даже если ты сумеешь удрать, – хмуро пообещал «майор».

– Вы, – с нажимом произнес Ласковин, – уже не будете меня искать. Если ответы окажутся неудовлетворительными. Приведешь Михаила, – сказал он третьему, – а сам останешься снаружи. И – чтобы никаких неожиданностей! Доходчиво объясняю? «Майор»! Запри за ним дверь. И имей в виду: я хорошо стреляю. Можешь проверить.

– Чтоб ты сдох! – буркнул «майор».

– Он тебе верит, – усмехнулся Фрупов.

Когда гонец вышел, Ласковин покинул подоконник. Глупо маячить на фоне окна.

– Вольно, военизированные! – сказал он. – Только чтоб я видел ваши руки!

Ждать пришлось недолго. На негромкий стук в дверь первым отреагировал Фрупов.

– Нет, – пресек Ласковин. – Откроет он! Вошедший, мужчина среднего роста, неопределенного возраста, с малосимпатичным лицом, воткнул в Ласковина бесцветные близкопосаженные глаза, поиграл желваками, потом повернулся к «майору».

– Я его не знаю! – отрезал он. И Ласковину:—Что надо?

Да, это действительно Михаил. Голос его Ласковин узнал сразу.

Андрей выдержал паузу, изучая вошедшего. Михаил был одет иначе, чем остальные: черная рубашка, расстегнутая на груди, мешковатые, заправленные в сапоги брюки защитного цвета. На поясе – кобура. Пустая.

– Повернитесь,– велел Андрей.

– Зачем?

– Цирк! – произнес Фрупов.

Ласковин опустил ствол пистолета.

– Первая пуля – в колено, вторая...

– Делай, что он говорит,– проворчал «майор».– Потом рассчитаемся!

– И наклонись,– приказал Ласковин, когда первая команда была выполнена.

– Может, ему штаны снять? – сострил «орел» Фрупов.

– Интересное предложение,– кивнул Ласковин.– Но – некогда. Можете повернуться обратно. Руки на виду! – крикнул он, увидев, что Михаил собирается сцепить ладони за спиной.

– Значит, вы – Михаил,– сказал Ласковин.

– Допустим.

– Пашеров.– Андрей выдержал паузу.– Пять дней назад.

– Три,– поправил «майор».

- Пять,- возразил Андрей, в упор глядя на Михаила. У того в глазах мелькнула тень понимания.
- Пашеров, что дальше?
- Дальше? - глаза Ласковина сузились.- Ты его убил.
- Да,- последовал лаконичный ответ.
- Ну, брат...- произнес «майор», приподнимаясь.
- Не вставать! - предупредил Ласковин.- Бомба на набережной Кутузова - тоже ты?
- Нет.
- Можешь доказать?
- Ты - Инквизитор? - вместо ответа спросил Михаил.
- Я - зомби! - отрезал Ласковин. Некоторое время они изучали друг друга. Слышно было, как шмыгает носом «майор». Молчание нарушил Фрупов.
- Не обижай нас, Зомби! - сказал он.- Мы работаем чисто!
- Рты, вашу мать! - жестко бросил «майор».
- Расслабься, командир,- «орел» Фрупов закинул ногу на ногу и сцепил пальцы на колене.- Он просчитан!
- Уберите пистолет, Ласковин,- сердито сказал Михаил.- Хватит выёживаться!
- Угу,- поддержал Фрупов, с удовольствием разглядывая изумленную физиономию Андрея.- Именно это и означает - «чисто». Если бы - мы, вас бы здесь не стояло!

– Допустим,– согласился Ласковин, осмысляя сказанное.– Но с пистолетом пока подождем. У меня много дел там, снаружи, и мне хочется выйти так же спокойно, как вошел.

– Дрючить и дрючить твоих кадетов,– проворчал «майор».

– Кимыч! – благодушно произнес Фрупов.– Да расслабься ты! Дежурный проинструктирован одиночек пропускать. Без оружия. У тебя ведь не было оружия? – он подмигнул Андрею.

– Теперь есть,– резонно возразил Ласковин.

Михаил вопросительно посмотрел на Фрупова.

– Кимыч оплошал! – «Орел» пожал плечами.– А я не успел.

– Спецы! – процедил Михаил.– Не управиться с одиночкой!

– Все к лучшему! – жизнерадостно отозвался Фрупов.– Зомби! Отдай пистолет, на него разрешение оформлено! Выпустят тебя, слово офицера! Так, Михаил?

– Кому он на хрен нужен,– пробурчал тот.– Сделаешь любезность, а потом тебе же пистоны вставляют! Еле от фошек отпихнулись, а теперь этот!

– Хрен с вами,– уступил Ласковин.– Лови! И бросил пистолет Фрупову. Тот поймал, щелкнул предохранителем и положил его на стол. «Майор» тут же его сграбастал.

Михаил подошел к двери, приоткрыл, крикнул: «Отбой!» – и закрыл снова.

– Кстати, военизированные,– поинтересовался Ласковин.– Чей это офис?

– Партия «Национальное возрождение»,– весело произнес «орел» Фрупов.

Чувствовалось, что небольшое приключение прошло ему по кайфу.

- Как? – Андрей тут же вспомнил политический профиль покойника Пашерова.
- «Национальное возрождение», – повторил Фрупов. – Что-то не так, Зомби?
- А вы, значит, при ней? – спросил Ласковин.
- Мы и есть – «Национальное возрождение»! – «Орел» широко и дружелюбно улыбнулся. Этаким рубаха-парень. – Такая у нас специальность!
- Заказные убийства? – Ласковин тоже улыбнулся: вы шутите, и мы шутим. В чем проблемы? А то как бы «орел» Фрупов и чернорубашечник Михаил, разглядывающий его сейчас, как патологоанатом – жертву автокатастрофы, могли и забыть о своем обещании.
- Скорее – политические! – Фрупов улыбался во весь рот (шучу! шучу!), но глаза стали холодные, непроницаемые, как морская галька. Знакомые глаза, откуда знакомые?..
- Потмаков жив? – спросил Михаил.
- Да, – поколебавшись, ответил Андрей. – Жив.
- Это хорошо. И что ты жив – хорошо. А место это – забудь. Максим, проводи!
- Я бы его не отпускал, – не поднимая глаз, произнес «майор». – Полагаю это неоправданным риском.
- Я слово дал, – напомнил Фрупов и подмигнул Андрею.
- Жопу подтереть твоим словом!
- Кимыч, обижусь! – предупредил Фрупов. – Не надо со мной так.
- Его досье – у нас в компьютере, – сказал Михаил. – Ознакомься и успокойся.
- На твою ответственность!

– Да.

– Пойдем, Зомби! – сказал «орел» Фрупов.– Делай свои дела!

В коридоре их поджидала пара молодых в сером, но Фрупов качнул головой: я сам.

– Будь здоров, Зомби! – сказал он на прощание.– Долгих лет!

– Спасибо. И тебе – того же!

Только внизу, на улице, Ласковин вспомнил, почему глаза Фрупова показались ему знакомыми. Они были точь-в-точь такие, как его собственные.

Однако след оказался ложным. Само по себе – неплохо. Схлестнуться с такой «машиной» весьма стрёмно. Не они – и хорошо.

Подозревай он, какого противника готовит ему судьба, как знать, может, Михаил и компания показались бы ему не столь уж опасными.

Глава седьмая

– Ну как? – спросил Вадим.– Пригодился адрес?

Они шли по Пятнадцатой линии в сторону Невы.

– Я съездил,– сказал Андрей.– Но это оказалась пустышка.

– В каком смысле?

– Бомбу бросили не они.

– Да? – Вадим остановился, разминая в пальцах папиросу.– Вы уверены?

– А что? – заинтересовался Андрей.

Его собеседник ответил не сразу, некоторое время он смотрел, как переходит через улицу стайка детишек. Их воспитательница, массивная женщина средних лет, перегородила улицу – руки крестом – наподобие живого распятия.

– Удивительно, – произнес Вадим. – Из этих вот славных существ вырастают такие, как мы. Пойдемте, Андрей.

– Так что вас смутило в этом адресе? – еще раз спросил Ласковин.

– Смутило? Нет. Меня смущает только глупость моего начальства. Организация, зарегистрированная по этому адресу, нам известна. Больше того, их пытались раскручивать по делу Пашерова, а это дело и ваше с легкой руки прессы увязаны в общий узел.

«И не только – прессы», – подумал Андрей, но вслух этого не сказал.

– Мне, однако, это кажется сомнительным, – продолжал между тем Вадим. – Пашеров – да, возможно, но вы... грубая работа. Пете чертовски не повезло. Если бы тот мудак не воткнулся сзади...

Вадим бросил папиросу в урну и выщелкнул из пачки другую.

– А по делу Пашерова их могут взять? – спросил Ласковин.

– Сомнительно. Формально это не преступная группировка. Да и не только формально. Политическая партия с мощной поддержкой во многих слоях. Вы, вероятно, общались с «активным звеном»?

– Вероятно, – согласился Ласковин, вспомнив «военизированных».

– Это лишь часть айсберга. Но конфликт их с Пашеровым и теми, кто его поддерживал, – очевиден. Они эксплуатировали одни и те же лозунги. Но как человек компетентный, я не стал бы объединять эти два преступления. Хотя, согласен, обставить все таким образом очень, очень неглупо. Если виновные

разместились достаточно высоко, никто не заинтересован в их наказании. А когда крупная рыба рвет сеть, целый косяк карасей тоже может удрать. Все не так просто.

«Ты и сам непрост», – подумал Андрей. Вадим сейчас и одеждой, и речью мало походил на начальника смены с завода «Электроприбор». Скорее, на преподавателя каких-нибудь курсов.

– ...Петино невезение, – продолжал говорить Вадим. – Когда три года назад его отставили от дел, вполне мог бы начать собственное. Опыт был, мы помогли бы. По-товарищески. Но он предпочел жить скромно. Когда Петя определился шофером к Потмакову, я решил: старик обрел тихую гавань... – Вадим вздохнул. – Трудно стало работать, – не к месту сказал он. – Ни средств, ни людей...

Ласковин сделал вид, что не понял намека. Если это был намек.

– Вадим, – проговорил он. – А есть ли еще подозреваемые? Вы ведь мне так и не ответили!

– Подозреваемых – море. Первый вопрос, который я задаю себе, сталкиваясь с преступлением: кому это выгодно?

И оказывается, любое убийство выгодно слишком многим.

Например, рассматривается возможное участие агентства недвижимости «Триплекс». Они пытались прибрать тот пустырь, на котором сейчас строится приют. Или – чеченские боевики. Я бы на вашем месте, Андрей, попробовал зайти с другой стороны, – предложил Вадим. – И мы, и милиция исходим из предпосылки, что объектом покушения был Потмаков. А если убийца имел в виду вас? Может быть?

– Может, – согласился Ласковин.

– В таком случае проработайте этот вариант. Своих врагов вы знаете?

– Некоторых. А насколько можно рассчитывать на официальное расследование?

– Милиция будет землю рыть. Пока не утихнет шумиха. Это то, чего хотят власти. Но рыть будут – так, – он показал ладонью на уровне пояса, – и не глубже. Не рассчитывайте, что убийца будет найден. А если и найден – что это действительно убийца.

– А как насчет агентства? – спросил Ласковин. – Может, мне с ними... поговорить.

– Не тратьте время. Для агентства это – копеечное дело. Киллер стоит дороже. Прозондируйте по собственной линии и держите со мной связь. А теперь – прошу прощения. Время.

– Вернемся обратно, – предложил Андрей. – Я вас подвезу.

– Не стоит, до встречи, Андрей.

Ласковин несколько секунд смотрел на удаляющуюся спину в черном осеннем пальто. Вот человек, общаясь с которым, Андрей чувствовал себя словно за толстым стеклом.

К Зимородинскому Андрей приехал под самый конец тренировки. У него было два дела. Первое – взглянуть, как продвигаются его протеже, а второе – договориться о встрече со Славой тет-а-тет. Андрей уже решил, какого рода помощь ему потребуется, и надеялся, что Зимородинский ему не откажет. Хотя, как знать. Тем, что относилось к тайным аспектам мастерства, Слава делился скупой.

Когда Андрей вошел в зал, Зимородинский остановил тренировку и заставил учеников поклониться. Надо сказать, Ласковина здесь знали. Хотя многие – заочно.

К истории своей школы Зимородинский относился серьезно. А история школы – это ученики, которые достигли определенных высот искусства. В раздевалке одна стена была сплошь увешана фотографиями: Шиляй, Крупицкий, Арсюха Стужин, Ростик Саэтдинов, Пашка Важнов. Призеры, чемпионы, победители. «Об учителе – по ученикам!» – говаривал Слава. Как правило, в оправдание, почему сам никогда ни в каких соревнованиях не участвовал. Он – сэнсэй, а двукратный

чемпион России Крупицкий – его ученик. Впрочем, кое-кто полагал: выступи Зимородинский на чемпионате – и не быть Крупицкому чемпионом, потому что весовая категория у них – одна.

Ласковин лавров не стяжал, но среди прочих и его фотографий хватало. Поэтому-то и принимался «молодыми» с почтением.

С максимальной торжественностью Зимородинский сообщил: «Недавно у нас был праздник. Еще один ученик нашей школы получил первый дан. Вот он перед вами, новый сэнсэй и мастер».

Группа, как и положено, отреагировала боевым кличем, с воздыманием сжатого кулака. Еще один ритуал Зимородинского. Не важно, что он сам присвоил Андрею этот самый черный пояс. Важен – факт. Успех Ласковина – успех распоследнего новичка, принятого неделю назад. И новичок этот, скорее всего, будет продвигаться не менее успешно. Иначе Вячеслав Михайлович порекомендовал бы кандидату другого учителя.

Федя и Юра светились от удовольствия. Как же: они лично знакомы с мастером! И еще один праздник: оба сегодня в первый раз допущены к кумитэ. Ласковину ясно было: это – аванс. Так сказать, сувенир для новоиспеченного мастера. И поставил Зимородинский обоих против опытных ребят, «желтых поясов», работавших корректно и вместе с тем давших «молодым» показать себя. Первое кумитэ – ого! Тут нужен успех.

Работали оба неплохо: реально, относительно чисто. Базовая техника, правда, превалировала. Но о Юре можно было сразу сказать: способный парень. Ухитрился даже вазари заработать на обводящем сюто. Ударчик, конечно, слабенький вышел, не вдруг и заметишь, но движение было начато эффектно и замаскировано как надо. Зимородинский начинающих такому не учил. Должно быть, у старших насмотрелся.

– Двадцать отжиманий на кулаках, двадцать – на пальцах, тридцать складываний и тридцать приседаний с май-гери, – распорядился Зимородинский и, указав одному из старших учеников: проконтролировать, подошел к Андрею.

– Надо бы тебе официальную квалификацию устроить, – предложил он. – Я Гурвина попрошу. Или Пака. Обставим торжественно...

– Слава,– сказал Ласковин.– Некогда в игрушки играть. Мне нужна твоя помощь, Слава!

– Какая? – спросил сэнсэй, разминая пальцы. На Ласковина он не смотрел.

– Сить, хать... – хлопая в ладоши, считал поставленный надзирать ученик.– Ку...

Андрей облизнул вдруг пересохшие губы:

– Научи меня убивать.

– Не понял,– произнес Зимородинский, все еще глядя в зал.

– Я должен научиться убивать,– повторил Андрей.– И ты меня научишь.

Это была уже не просьба – требование.

– В смысле? – Зимородинский прекрасно понимал, о чем говорит его ученик. Но еще не настало время ответа.

– Разве в слове «убивать» – несколько смыслов? – спросил Ласковин.

Зимородинский покачал головой.

– Ты можешь сломать кость. Или свернуть шею,– сказал он.– Или пробить череп. Ты можешь задушить или проткнуть горло. Все это приведет к смерти. Ты можешь убивать руками, или нунчаку, или из пистолета, который таскаешь под мышкой,– он усмехнулся.– О чем ты просишь?

– Я прошу... – Андрей говорил медленно, подыскивая слова,– я говорю об умении убивать, не ломая костей, не кулаком и не пулей. Ты знаешь, о чем я!

– А ты знаешь?

Андрей пожал плечами:

– Думаю, что нет.

– Но просишь?

– Ты знаешь! – твердо ответил Ласковин.

– Я должен подумать,– произнес Зимородинский.– Можешь сказать, что тебя надоумило?

– Считай, что было озарение,– ответил Андрей.

– Хорошо,– сказал Вячеслав Михайлович.– Приезжай сюда сегодня в одиннадцать вечера. Я дам ответ.

«И было ко мне слово Господне: сын человеческий! Были две женщины, дочери одной матери, и блудили они в Египте, блудили в своей молодости; там измяты груди их, и там растлили девственные сосцы их. Имена им: большой – Огола, а сестре ее – Оголива. И были они Моими, и рождали сыновей и дочерей; и именовались: Огола – Самариєю, Оголива – Иерусалимом. И стала Огола блудить от Меня и пристрастилась к своим любовникам, к Ассириянам, к соседям своим, одевающимся в ткани яхонтового цвета, к областеначальникам и градоправителям, ко всем красивым юношам, всадникам, едущим на конях; и расточала блудодеяния свои со всеми отборными из сынов Ассира, и оскверняла себя всеми идолами тех, к кому ни пристращалась; не переставала блудить и с Египтянами, потому что они с нею спали в молодости ее, и растлевали девственные сосцы ее, и изливали на нее похоть свою. За то Я и отдал ее в руки любовников ее, в руки сынов Ассира, к которым она пристрастилась. Они открыли наготу ее, взяли сыновей ее и дочерей ее, а ее убили мечом. И она сделалась позором между женщинами, когда совершили над нею казнь.

Сестра же ее, Оголива, видела это и еще развращеннее была в любви своей, и блужение ее превзошло блужение сестры ее».

Иезекииль, гл. 23, ст. 1 – 11.

– Какой гость! – проговорил Смушко, откладывая Библию.– Милости просим!

Отец Егорий, открывший глаза, когда его староста прекратил чтение, медленно качнул головой.

– Здравствуй,– сказал он.

– Здравствуйте, отец Егорий,– ответил Андрей.– Вот проведать вас решил. Извините, что так поздно...

– Да уж не рано,– проговорил Потмаков.– Второй час ночи. Но мы, как видишь, не спим, бодрствуем.

– Кушать хочешь? – спросил Смушко.– Супчик есть постный, огурчики. Поешь?

– Поем,– согласился Андрей.

Последний раз он ел восемь часов назад.

Смушко направился на кухню, и Андрей вышел вместе с ним. Ему почему-то трудно было оставаться наедине с отцом Егорием.

– Что не спите так поздно, Григорий Степанович? – спросил Андрей.

То, что бодрствует Потмаков,– обычное дело, но Смушко, заботясь о здоровье, старался ложиться раньше полуночи.

– Из-за него,– ответил староста, понизив голос, словно Игорь Саввович мог его услышать через две двери.– Видения у него... страшные. Боюсь я.

– И что он видит? – так же, почти шепотом, спросил Андрей.

– Не говорит,– огорченно проговорил Смушко.– На, возьми свой суп! – сказал он, вынимая тарелку из микроволновой печи.– И пойдем туда. Не хочу его одного оставлять... Как бы нам не потерять его, Андрюша! – прошептал с печалью и тревогой.

– Может – врача? – предложил Ласковин.

– Какое там! Он ведь и сам, можно сказать, доктор. Не согласится. Нет, стой еще минутку! Я думаю, тебе нужно к нам переехать! Поддержишь его!

– Не похоже, что он мне рад,– сказал Андрей.

– Неважно!

– Я подумаю,– проговорил Ласковин.– Может быть, вы и правы.

Спустя час, когда Андрей уходил, он все еще не был уверен, что посещение его порадовало Потмакова. Если да, то отец Егорий никак этого не показал.

Видя, насколько истончилось лицо иеромонаха, он понимал тревогу Смушко.

Если бы Андрей мог надеяться, что, будь он рядом, это поможет отцу Егорию, то немедленно оставил бы свое дело и переселился к нему вместе с Наташей. Но надежда на это была слабая.

Состояние Потмакова здорово испортило Ласковину настроение. Даже то, что Зимородинский принял его просьбу и сказал «да», не облегчало его мыслей. К Наташе он вернулся мрачный и злой. К счастью, девушка уже давно спала, и Ласковин не заразил ее своим состоянием.

К утру тяжесть ушла. Ласковина ждала работа, а жизнь кажется легче, когда светит солнце и птичий звон врывается через открытую форточку.

«Доброе утро! – мысленно поприветствовал Андрей Наташину прабабушку.– Кажется, я опять проспал до обеда?»

Глава восьмая

У мальчика были разные глаза. Когда на них падал свет лампы, они становились матовыми. Матово-голубым и матово-желтым. Вернее, золотистым. Как сплав золота и серебра.

«Кажется, он называется – электрон? – подумал отец Егорий.– Или нет?»

– Что мне сказать, чтобы тебя утешить? – спросил мальчик.

Сегодня он не был похож на ангелочка. Детское личико портил большой крючковатый клюв. Как у совы.

Когда мальчик говорил, клюв открывался и закрывался. Только к речи это не имело отношения.

Отец Егорий лежал на кровати, накрывшись по горло одеялом. Белый круг света упирался в книжную полку. На полке и сидел мальчик. Отец Егорий забеспокоился: крючки не выдержат – полка упадет на пол. Страх: если это случится, значит, мальчик действительно существует.

– Я тебя люблю,– сказал мальчик и потер ладошку о ладошку.

На руках его – детские рукавички, красные, с меховой опушкой.

На руках? Если там – руки.

– Скоро, скоро,– говорил мальчик,– мы снова будем вместе. И нам будет легко. А сейчас нам трудно. Потому что ты – слишком большой. А скоро станешь маленьким. Вот таким!

Мальчик показал, разведя ладошки.

Отец Егорий помалкивал.

– Нет, ты меня не любишь! – обиженно сказал мальчик.– Может, тебе он не нравится? – дотронулся до широкого, изогнутого книзу клюва.– Не нравится? Хочешь, я уберу?

И провел рукавичкой по лицу.

Клюв исчез. На детском личике зияла влажная воспаленная рана. Будто кто-то клещами вырвал ребенку нос и верхнюю губу.

Отец Егорий отвернулся.

– Ах прости,– извинился мальчик.– Больше не буду. Посмотри на меня! Ну пожалуйста!

Отец Егорий послушался. Знал: так или иначе он заставит смотреть.

Личико ангелочка теперь ничто не уродовало. Так было еще страшней.

«Что он задумал?» – насторожился отец Егорий.

Мальчик испытующе глядел на него. Матовые глаза казались незрячими.

«Холодно»,– подумал отец Егорий.

– Замерз? – обрадованно спросил мальчик.– Ты замерз? Хочешь, погреемся?

Он ловко соскочил на пол.

Лампа у изголовья, раструб на гибкой опоре, сама повернулась вслед за ним. Как пиявка.

– Костер? – предложил мальчик.

Он выхватил с полки толстую книгу и начал проворно выдирать из нее листы. Вырвет, сомнет, бросит. Рукавички, с виду неуклюжие, несколько ему не мешали.

– А помнишь,– говорил мальчик,– тебе было шесть, и мы сбежали из дому. И жгли ночью костер у залива. Большой костер, помнишь? Здорово, да?

Мальчик сбросил рукавичку. Отец Егорий не успел увидеть, что под ней. Рука оказалась за пределами светового круга. Зато он услышал, как чиркнула спичка.

– Не надо! – не выдержал отец Егорий.

«Нельзя возражать! Нельзя! Ни спорить, ни возражать... Только хуже будет».

– Почему? – с невинным удивлением спросил мальчик.– Сейчас будет тепло. Мы согреемся. Ты и я. А потом все кончится. Разве ты не хочешь, чтобы все кончилось?

– Не хочу! (Молчи! Молчи!) Нет, хочу, но не так, чтобы...

– Не бойся, Горша! – нежно произнес мальчик.– Доверься мне, и будет хорошо. Смотри, как красиво!

Бумажный костер пылал. Запах дыма щекотал ноздри отца Егория.

Свет пламени озарил мальчика целиком: детская фигурка, сидящая на полу с поджатыми ногами.

– Ты же любишь свет? – произнес мальчик.– Будет много света. Ты сам станешь светом. Подумай, как хорошо!

Рукавички снова были на нем.

«Что там, под ними?» – с болезненным любопытством думал отец Егорий.

Костер разгорался все ярче. Мальчик быстро подкидывал в него бумагу – так и мелькали красные рукавички.

К запаху дыма прибавился смрад горячей краски – занялся пол. Лак на изножье кровати пошел пузырями. Но отец Егорий под толстым одеялом еще не чувствовал жара.

«Я сгорю, – равнодушно подумал он.– Прости меня, Господи».

– Мы сгорим,– уточнил мальчик.

Электрический свет лампы потерялся в пляске пламени. Огонь поднимался над головой сидящей на полу фигурки.

– Мы сгорим. Ты. Я. Он.

«Боже! – ужаснулся отец Егорий.– Я забыл!»

Мальчик лукаво улыбался. Он-то помнил!

– Пожар! – надсаживаясь, закричал отец Егорий.– Пожар!

Мальчик радостно захлопал в ладоши.

– Пожар, пожар! – поддержал он писклявым голосом.– Горим! Ура!

Отец Егорий осекся.

– Да,– сказал мальчик с нежной улыбкой.– Никто, никто нас не слышит!

– Ты меня обманываешь,– хрипло (в горле першило от гари) проговорил отец Егорий.– Это все – не настоящее, да?

– Конечно! – веселым голоском отозвался мальчик.

Вскочив, он высоко подпрыгнул, с невероятной ловкостью ухватил с полки разом целую кипу книг и швырнул их в огонь. Вверх взметнулись искры. В воздухе закружились черные хлопья пепла.

Отец Егорий приподнялся и упал обратно на постель, задыхаясь. Он закашлялся. По лицу его обильно струился пот.

Синие огоньки весело побежали по изножью кровати.

– Свет! – воскликнул мальчик, взмахнув руками.– Мы все станем светом! Ура!

Григорий Степанович проснулся от визгливого собачьего воя.

– Что, что, что? – забормотал он, вскакивая, почти ничего не соображая: спал ведь не больше двух часов.

– Брейк, молчать! Брейк! – закричал внизу, под окном, охранник.– Ко мне! Рядом!

Смушко ожесточенно потер затекшее лицо, встал, оперся коленом на подоконник, выглянул в форточку.

Осатаневший черный пес раз за разом кидался на стену дома. Прыгал чуть не на два метра, царапая когтями новую вагонку.

– Что это он? – крикнул Смушко.

– Сбесился! – сердито ответили снизу.– Псих! Брейк, мать твою! Молчать! Фу!

Смушко закрыл форточку, плюхнулся на кровать. Уже проваливаясь в сон, подумал:

«Дымом, что ли, пахнет? Быть не может. Сигнализация...»

Ржавое пламя взметывалось вполовину окна. Но мальчик сидел буквально в шаге от него, словно бы не чувствуя. Отец Егорий дышал ртом, с хрипом, с бульканьем в бронхах. Голова раскалывалась от боли, большие руки беспомощно подергивались, в глазах стало черно... а спасительное забвение все не приходило.

– Никогда,– сквозь гул (пламени?) донеслось до отца Егория.– Теперь уже никогда...

И низкий гнусавый рев большой трубы.

Кто-то с силой колотил внизу в дверь.

– О Господи!

Григорий Степанович второй раз с невероятным трудом выкарабкивался из сна.

– Что там стряслось?

Дым! Пахло дымом!

Сон Григория Степановича сгинул бесследно. Смушко вскочил... слишком резко. Ухнуло в затылке, потемнело в глазах.

«Тише, тише, тише», – нашептывал он сам себе, пережидая.

Запах дыма. Очень сильный запах.

Во входную дверь перестали стучать.

Григорий Степанович поглядел на потолок, на круглую решеточку противопожарного датчика. Чертова техника!

Как был, в трусах и в майке, босиком, он вышел в коридор. Здесь запах гари был намного сильнее.

– Господи Иисусе! – прошептал Григорий Степанович, чувствуя, как холодеет внутри. – Батюшка!

Он неуклюже побежал по коридору к комнате отца Егория.

– Батюшка!

Струйки дыма сочились из-под двери.

– Отец Егорий!

Смушко толкнул дверь – заперто!

Не раздумывая, он ударил в нее всем весом. Шурупы задвижки вывернулись из косяка, и дверь распахнулась. Григорий Степанович с ужасом уставился на пылающий прямо на полу костер.

Из коридора в комнату проник свежий воздух. Пламя радостно вспыхнуло, охватило деревянную спинку кровати, прыгнуло на одеяло.

Отец Егорий лежал вытянувшись, запрокинув голову, нижняя, заросшая бородой челюсть его дергалась, словно он силился еще шире открыть рот...

Дальше Григорий Степанович действовал автоматически.

В трех метрах по коридору на стене висел огнетушитель. Красный круглый баллон с серым раструбом. Смушко выскочил из комнаты, схватил его, и через мгновение шипящая струя ударила в занявшуюся постель.

Еще через минуту все было кончено. Пламя угасло. Только пятно электрического света пронзало темноту, упираясь в дымящуюся черную пропалину.

Григорий Степанович швырнул опустевший баллон в окно и под звон падающего стекла тяжело осел на пол, прижав руки к груди, чтобы унять режущую боль.

Внизу с грохотом рухнула входная дверь.

Охранник, сопровождаемый лающими псами, взбежал вверх по лестнице.

– «Скорую»! – выдохнул Смушко.– Быстрее!

Охранник ринулся вниз, к телефону.

Брейк, встав мощными лапами на постель, поскуливая, вылизывал черным языком окостеневшее лицо отца Егория.

«Скорая» приехала слишком поздно.

Глава девятая

– Никто трубку не берет,– сказал Ласковин.– Уехали куда-то, наверно.

– Позвони попозже,– предложила Наташа.– Вообще, иди завтракать, пока все не остыло. Какие у тебя планы на сегодня?

– Покатаюсь по городу,– сказал Андрей, усаживаясь за стол.– Поговорю кое с кем. Могу тебя после работы забрать, годится?

– Думаешь, я скажу «не надо»? – Наташа засмеялась.– Знаешь, мне тут предложили в Голландию съездить, ты не против?

– Против,– сказал Андрей.– Если меня не возьмешь.

– Возьму,– улыбнулась Наташа.– Но за свой счет. Как менеджера. Ты по-голландски – как?

– Только язык жестов. Но могу – звукооператором. Или осветителем. Сойдет?

– Обойдутся. Международный фестиваль, суперспонсоры, суперпризы. Выиграю – куплю тебе «мерседес», хочешь?

– Не хочу «мерседес». «Порш» хочу, мечта детства. А как ты пересеклась с конкурсом этим?

– Год назад отдала кассету со своей программой... Ну что, едем? Без шуток?

– Когда?

– В июле.

– Схвачено. Если не победишь – собственными руками жюри их бургерское передую!

– Ну тебя! – засмеялась Наташа.– Мне дай Бог в десятку войти.

– А что так слабо?

– А чтобы не так – надо сутками работать, сам, что ли, не знаешь?

– Знаю,– подтвердил Ласковин, проглотив кусок яичницы.– Будешь работать. Сутками. Я прослежу.

– Ты проследишь, как же! – Наташа потрепала его по затылку.– Соку хочешь?

– Чаю хочу. Ах, блин! Опять забыл Славкино зелье принять!

– Склероз,– сказала Наташа.– Старческий. Давай ешь быстрее и катись. Мне заниматься надо. Кроме шуток.

Зеленая «восьмерка» с белыми дверьми вырулила на Суворовский и остановилась.

В машине сидели двое: низкорослый крепыш Колян и его троюродный брат по кличке Леха Барабан. Источником прозвища сего были отнюдь не музыкальные способности последнего, а удивительной формы череп, приплюснутый сверху. Жиденькие волосы цвета подсохшей извести не столько скрывали, сколько подчеркивали эту аномалию.

Братья ждали. Колян невозмутимо двигал челюстями, переминая жвачку. Барабан посасывал пиво. Время от времени его передергивало: организм требовал «вмазки», но Колян, зная, как шизеет братец Леха после укола, запретил до «сделаем дело». Барабан пил пиво, потел и маялся.

Тот, кого они ждали, появился через четверть часа. Плюхнулся на переднее сиденье рядом с Коляном.

– Денек, блядь, вашу мать,– пробурчал он вместо «здравствуйте».

– Чёт-ты, Малява, сёдни на гандон похож! – подал сзади реплику Барабан и в очередной раз передернулся.

– Мудило ты грешное,– беззлобно отозвался воспитанник исправительно-трудового лагеря для малолетних Малява, заполучивший кликуху благодаря изысканной надписи на спине. Надпись приглашала всех особ женского пола воздать Маляве должное. Поначалу Малява намеревался запечатлеть призыв на непосредственном месте, но специалист отказался: не поместится.

– Екздаться хочу! – деловито сообщил Малява.

– Он всегда, это, гы-гы, хочет! – обращаясь к брату, отреагировал Барабан.

Сам он с недавнего времени к женскому полу стал вполне равнодушен.

– Не всегда! – запротестовал Малява.– Башмак, киздаматень елдавнутая, совсем оvezдел: за телку, слышь, тридцать баксов, ёш его так, отвали! За нашу, слышь, телку!

– А ты чего хотел? – ухмыльнулся Колян.– С клиента вон полтаху снимают!

– Так ты чё, кореш, ты чё, не врубился? Не въехал? – искренне возмутился Малява.– За нашу телку! С «отстойника», слышь? При Крепленом, бля, как хошь их тянули, а Башмак, бля... – и разразился сочно и прочувствованно.

– А ты Гришке пожалуйста! – с ухмылкой посоветовал Колян.

Малява скорчил рожу и сплюнул в открытое окошко.

– Екздаться хочу! – замычал он, изображая тощим задом соответствующие движения.– Чпок! Чпок! Чпок!

– Копи, копи,– посоветовал сзади Барабан.– Скоро пригодится.

– Во! – обрадовался Малява.– Чё ты мумоёгишься, Колян? Давай, бля, поехали! Нас клевый бабец ждет, ага? Клевый бабец, Барабан?

– Не видал,– равнодушно откликнулся тот.

– А хоть доска с дыркой! – развивал тему Малява.– Я охреневаю: ты сандалишь, и тебе же бабки кидают!

– Хавник заткни! – буркнул Колян.– Дай подумать. Тут ехать – не хрен чего.

– Давай, давай, братан! – подпел Маляве Барабан, которому ждать было и вовсе невмоготу.

Пробормотав, что он думает о партнерах, Колян повернул ключ.

Двигатель завелся не сразу.

– Аккумулятор скис! – авторитетно заявил Барабан.– Слышь, братан, надо новый аккумулятор покупать!

– Ни хрена аккумулятор! – тут же возник Малява.– Свечи...

– Ты – мудака! Ты не рубишь, бля, ни...

– Хорошо киздеть! – рявкнул Колян, рассердившись.

Движок наконец завелся, и машина тронулась. Доехали действительно быстро.

– Значит, договорились? – крикнул Андрей из ванной.– Я за тобой заеду без десяти десять.

– Ты еще не ушел? – удивилась Наташа.

– Почти. Побреюсь – две минуты – и только ты меня и видела!

– Вечером надо бриться! – крикнула Наташа, энергично раскручивая педали тренажера.– Вечером!

Доехали быстро. И дом нашли легко. Только с номером квартиры вышла загвоздка. Никак не разобрать: шесть или восемь.

– Руки у тебя, Барабан, из жопы растут, – проворчал Колян. – Три цифры нормально записать не можешь!

– Писал бы сам, твою... – огрызнулся Леха. И тут же схлопотал по уху.

– Ну ты чё, братан?.. – заскулил привычно. Шестая квартира располагалась на первом этаже, восьмая – на втором. У восьмой дверь похлипче.

– Тут, – руководствуясь последним признаком, не очень уверенно произнес Колян. – Помнится мне, восьмая. Звони, Малява!

– Угу. Слышь, Колян, а если Башмак просечет? – с опозданием замандражировал Малява. – Сам говорил: замочит и...

– Поздно пить боржом, когда почки отвалились! – захихикал Барабан.

– Не ссы! – успокоил Колян. – Мы ж не ворует. Мы деловую услугу оказываем. Личный бизнес, врубаешься?

– Ага, – сказал Малява и надавил на кнопку. Реакции не последовало.

– Нету никого, – сказал Малява и выматерился с заметным облегчением.

– Должна быть! – возразил Колян. – Дай железку!

– Дверь ломать нельзя! – воспротивился Барабан. – Если ее нет, а мы засветимся...

– Где ты видишь дверь? – поинтересовался Колян. – Это, что ли?

Присев, он снизу, почти без усилия, поддернул фомкой, и дверь соскочила с петель. Барабан придержал. Бандиты повесили дверь на место и вошли.

– Говняная фатера! – пренебрежительно сказал Малява, пройдясь по комнатухе. – Взять натурально не хрен! – он потыкал пальцем в фотографию женщины за стеклом. – Екздаться хочу! – куражась. – Где клевая чувиха? А,

Колян?

– Сядь на парашу и подроци! – сердито буркнул Колян.– Задрюкал! Барабан! Что твоя маруха базарила: баба одна живет?

– Одна,– подтвердил Леха.

– А это откуда? – спросил Колян, пихнув ногой детскую кровать.

– Пролет? – забеспокоился Барабан.

– Вроде того.

– Не бздимо, братва! – заявил Малява, разглядывая фотографию в шкафу.– Нормальная телка! И телик шопнем! Телик жопницкий!

– Ну что за мудак? – задал риторический вопрос Колян.– Все, уходим! Тебе, Малява, за этот сраный телик больше стошки никто не кинет! А за чувиху косарь зеленых светит. И даже мочить не требуется! Отодрать, ежало набить – и киздец!

– Ни хрена себе! – пробубнил Леха.– За групповуху пятнарик только так! А на зоне... На хрена мне ее егучить!

– Импотент, бля! – сказал Малява и заржал.– Мне, Колян, двойная доля пойдет. Моя и его!

– Ну ты, вердило куфенное! – взвился Барабан.

– Кто еще не в масть вякнет,– злобно предупредил Колян,– пойдет хрен сосать! Свободен, ясно?

Захлопнув дверь восьмой квартиры, подельники спустились на первый этаж.

Тут преграда была посерьезней – не подломишь.

– Может, через окно? – предложил Малява.– Вон Барабан тощий, как глиста, в форточку...

– Решетки! – отрезал Колян.– Я смотрел. Внагляк войдем! Звони, Малява!

На звонок с минуту никто не реагировал. Потом изнутри женский голос спросил:

– Кто там?

– Энергонадзор! – солидно сказал Колян.– Плановая замена счетчиков!

Щелкнул замок. Малява хотел рвануть ручку на себя, но Колян схватил его и показал пальцами: два!

– Энергонадзор! – громко сказала женщина.

– Она что, не одна? – насторожился Барабан. Точно, не одна.

– Энергонадзор? – спросил за дверьми мужской голос.– Фамилия на наряде?

– Откуда фраер? – шепотом спросил Барабан. Колян дернул плечом. Он отступить не собирался.

– Аршахбаева здесь живет? – спросил он.

– Она что, чучмечка? – спросил Малява вполголоса. Мужчина за дверьми что-то спросил, женщина – уже из глубины квартиры – ответила.

– Опять пальцем в жопу? – прошипел Барабан. Его заметно трясло.

– Хер там! – буркнул Колян и достал револьвер. За дверью было тихо.

– Ты, может, это, не стоит? – Малява с беспокойством поглядел на револьвер.

Колян не ответил, он напряженно ждал.

Дождлся. Звук отпираемого замка. Первого, затем второго.

Колян прищурился, выставил челюсть, чтобы казаться еще круче, и, когда дверь открылась, наставил короткое рыло ствола на отпершего ее мужчину.

– На... – и тут выпяченная челюсть у Коляна отвалилась, а глаза поехали на лоб.

В шаге от него, держась одной рукой за дверь, стоял... Спортсмен!

– Ы-ы... – промычал Колян в полной растерянности.

Ласковин тоже был слегка удивлен, увидев старого знакомого. Но, в отличие от последнего, страха не испытал. А на неожиданность отреагировал привычно: перехватив кисть с оружием – нырок вниз, с линии огня (Колян нажал на спуск – но выстрела не последовало: гнездо оказалось пустым), Ласковин вывернул кисть вверх и наружу и, распрямившись, врезал давнему знакомцу локтем в челюсть.

Колян свалился.

Леха, оскалив черные зубы, шагнул вперед, полоснул заточкой... и получил пяткой в измученную печень. Два очка.

Малява в драку вступать не стал. Собственно, его уже не было в подъезде. Молодости сопутствует быстрота.

Ласковин оглядел успокоившуюся парочку, нахмурился. Похоже, Вадим был прав, говоря: поищи среди своих. Корвет? Гришавин? Но почему явные шестерки?

Андрей подобрал револьвер и заточку, прислушался.

Тихо. Только из квартиры слышно, как напевает Наташа. Девочка ничего не заметила, это хорошо.

Андрей закрыл дверь.

– Ната,– спросил он.– Ты дома будешь?

– Вечером на работу пойду,– перестав петь, ответила девушка.– Мне заниматься надо, сам сказал! Поменяли счетчик?

– Нет,– Андрей усмехнулся.– У тебя новый.

Колян очухался первым и, поднявшись, уставился на закрытую дверь. Револьвера не было. Ну, это ясно. Колян обтрогал себя руками: челюсть ныла, а так... легко отделался. Посмотрел на вырубившегося Леху.

«Верный кореш,– подумал.– А где этот?»

Малява отсутствовал.

– Сучара! – зло процедил Колян и поднял бессознательного Барабана. Весил тот – всего ничего. До машины донести – мелочь. Если только этот егливый козел Малява не рванул на его тачке. «Прикизжу!» – с ненавистью подумал Колян и поволок брата наружу.

Машина стояла на месте. Злости у Коляна поубавилось. Все же кентяра – не полный засранец.

Он сбросил Барабана на сиденье, достал из-под коврика коробочку. В ней – снаряженный шприц.

«Лучшее лекарство, братан»,– подумал он, закатывая Лехе рукав и сдавливая тощую руку, чтобы обозначить исколотые вены...

Малява не угнал Колянов «жигуль» вовсе не потому, что решил оставить его для подельников. Дело в том, что он так и не добрался до «восьмерки».

Выскочив из подъезда, Малява натолкнулся на четверых мужчин, непринужденно беседующих и не пожелавших посторониться, когда такой крутой мэн, как Малява, сваливает с места преступления.

Малява отпихнул одного... и получил ногой под зад.

Возмущенный, он забыл даже о грозном Ласковине. Повернулся с перекошенным от ярости лицом... Мужики загоготали.

– Йог вашу мать! – зарычал Малява и полез за ножом, который предпочитал всяким газовым штучкам. Сейчас...

Мужчины перестали смеяться.

– Что сказал? – с характерным акцентом спросил один из них.

«Бля буду, – с опозданием сообразил Малява. – Черные».

А хоть бы и красные!

– Йог твою мать! – Малява выхватил нож и поиграл в воздухе, припустив длинный загиб по фене о «черножопых пидорах». Отчасти он рассчитывал на Коляна и авторитет «тобольцев». Но Колян валялся в отключке, а четверка мигом взяла его в оборот. Нож полетел на асфальт, а через секунду в ту же лужу плюхнулся и сам Малява. Свернувшись и прикрыв голову, он, как мог, уворачивался от пинков.

«Попинают и уйдут», – надеялся он. Пинали его далеко не в первый раз, и пока обходилось. Главное, голову и яйца беречь.

Но оскорбленные «черные» пинками не удовлетворились. Побитый Малява был загружен на кожаное сиденье «вольво».

– Какой сран! – ругался его сосед слева. – Такой хороший куртка порезал! – и в сердцах треснул Маляву по уху.

Сосед справа что-то проговорил по-своему, Малява не понял, «черные» заржали.

На всякий случай Малява втянул голову в плечи.

– Вай, не сердыс! – воскликнул сосед справа. – Будешь хорош, мы – тоже хорош. Бить – нет. Лубыт – да! – и похлопал Маляву по ободранной щеке.

Да, Малявин день, начавшийся с мысли о гребле, греблей и закончился. Но совсем не так, как рассчитывал выпускник спецучилища для несовершеннолетних правонарушителей.

Впрочем, ему даже повезло. Его отпустили.

– Почему тощий такой? – спросил на прощание тот, чья куртка пострадала от Малявиного ножа. – Плохо кушаешь, э? Давай хорошо кушай, чтоб попка толстый был. Тогда прыхады, дарагой, да?

«У, суки, – скрипел зубами Малява, трясаясь в троллейбусе. – Скоро узнаете, как „тобольца“ опетушить!»

Глава десятая

Вечером Ласковин привез Наташу домой. И еще раз позвонил Потмакову. И опять никто не взял трубку.

– Что-то там с телефоном, – сказал он Наташе. – Завтра заеду, если успею. А хочешь, вместе поедem, вечером?

– Давай, – согласилась девушка. – А можем и сегодня. Или поздно уже?

– Завтра вставать рано, – ответил Андрей. – Так что завтра и заедem.

С утра Ласковин намеревался заглянуть к Корвету. Если парней послал он, пусть скажет: почему? Если не он... тогда кто их послал? Судя по всему, встреча с ним, Ласковиным, для «тобольца» Коляна оказалась сюрпризом.

– Наезд, говоришь? – по широкой физиономии Корвета трудно было судить, как он воспринял заявление Ласковина. – Нет, это не мои, если ты об этом. А что, проблемы?

– Так, проблемки, – небрежно отозвался Андрей.

Если «тобольцам» желательно его прихлопнуть, проще всего сделать это прямо сейчас. По крайней мере, так им может показаться.

Но раз впустили его, даже не обыскав, и сейчас рыжий главварь спокойно беседует с Андреем тет-а-тет, тезис о его причастности к нападению выглядел сомнительно.

Андрей поерзал в кресле.

– Неудобно? – осведомился Корвет.

Удобно. Слишком удобно. На счет «раз» не встанешь. Зато, хоть это и не предусмотрено модельером, можно без проблем уйти кувырком назад с опрокидыванием, глядишь, креслице и от пули защитит. «Если ворвутся сзади, – размышлял Ласковин, – выстрел в компьютер (отвлекающий эффект), кувырок, и из-под прикрытия, глядишь, удастся положить пару-тройку...»

– О чем задумался? – спросил Корвет, похрустев пальцами.

– О жизни, – ответил Ласковин. – А что, такой коренастый, низенький больше у вас не работает?

– Это который?

Ласковин попытался вспомнить кличку (ведь слышал!), но не сумел.

– А еще один, тощий, с головой, как ночной горшок, нет?

– Нет, – Корвет покачал головой. – Может, померещилось тебе, Спортсмен?

Ноздри Ласковина слегка расширились, а губы сжались в прямую линию.

– Лучше бы тебе так не шутить, – произнес он после небольшой паузы.

Глаза рыжего сузились:

– Лучше бы тебе не забывать, кто тебя с крюка снял! – Корвет со стуком уронил на стол кулаки.– Ты передо мной в долгу, Спортсмен!

Ласковин сунул руку за пазуху (Корвет даже глазом не моргнул!) и грохнул на стол отнятый револьвер. И заточку.

– Тоже – мерещится? – спросил он.

Корвет взял револьвер, привычно большим пальцем крутанул барабан: заряжен – и бросил в ящик стола. Туда же смахнул и заточку.

– Ладно,– пообещал он.– Разберусь. Есть хорошая работа, Спортсмен. Ты как?

– Сейчас я занят! – отрезал Ласковин.

– Честный бизнес,– продолжал Корвет,– для решительного человека, вроде тебя. Большие деньги. И еще большие премиальные! – Уговаривая, лидер «тобольцев» очень внимательно следил за реакцией Ласковина.– Сразу квартиру тебе дам. Машину возьмешь классную, не какие-нибудь «Жигули»,– он подмигнул,– в качестве аванса. А от тебя потребуется ерунда – двум-трем уродам мозги вправить.

– Долги вышибать? – брезгливо спросил Ласковин.

– Спортсмен! – укоризненно произнес Корвет, поднимая брови.– Разве мы друг друга не знаем? Я же сказал: честный бизнес. Для честного парня. Честного и умелого. Есть люди, которые этого слова не понимают и не уважают тех, кто заслуживает уважения. Вспомни Крепленого, Спортсмен! Разве без него всем нам не стало легче? – Корвет снова подмигнул.– И не один он был. Крепленный, сам знаешь.– Лидер «тобольцев» двинул ящиком стола, так что револьвер внутри загремел.– Эта работа как раз для тебя, поверь мне! И поддержка...

За дверью раздались голоса. Один – возражал, другой настаивал. Рыжий оборвал свою речь, насторожился. Ласковин – тоже.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвался... Колян!

Ласковин сжал подлокотники, готовый к перевороту, но Колян попросту его не заметил. Подскочив к столу, он принялся быстро сыпать словами, подавляющее большинство которых Ласковин не понимал. Во-первых, потому что феню знал в очень ограниченных пределах, во-вторых, потому что дикция Коляна и в прежние времена оставляла желать лучшего, а нынче, когда нижняя челюсть его непомерно раздулась...

Корвет, похоже, также мало что понимал. Но по тому, как он похлопывал по столу широкой ладонью, все сильнее и сильнее, человек проницательный сразу понял бы: лучше Коляну заткнуться и уйти.

Колян не был проницательным человеком. Поток «кирзух», «падл», «черножопых», «петухов» и прочего не иссякал, пока ладонь Корвета с треском не ударила по столу.

Колян осекся.

– Значит, все-таки – твой? – сказал Ласковин в возникшей тишине.

Колян повернулся на знакомый голос, и перекошенное лицо его дернулось. И еще раз – когда бандит перевел взгляд на своего жожака.

С неприятной улыбкой Корвет извлек на свет револьвер и заточку.

– Твое?

– Угу.– Колян потянулся к револьверу, и тут кулак рыжего молотом обрушился на пальцы бандита.

Колян вскрикнул, отскочил назад, баюкая ушибленную кисть. Револьвер остался на столе.

– Подойди,– негромко сказал Корвет.

Колян не осмелился послушаться.

Рыжий поднялся из-за стола. Быстрое движение – и голова Коляна оказалась приплюснутой к столешнице. Испуганные глазки его пялились на Ласковина.

Свободной рукой Корвет взял заточку и поднес ее к выпученному глазу Коляна.

– Спортсмен,– произнес он тихим голосом,– пришел сегодня ко мне и рассказал, как кто-то сунул свое хавло к нему домой. Я сказал,– рука Корвета нажимала на Коляново ухо все сильнее,– что мои бойцы такого сделать не могли. А ты – мой человек. Как же так? Выходит, ты меня подставил?

– Извини меня, Спортсмен,– повернулся рыжий к Ласковину.– Я обманул тебя!

Сказано было с чувством.

Корвет повернулся к Коляну:

– Ты подставил меня! Что за такой косяк бывает? Знаешь?

Колян пробормотал что-то неразборчивое.

– Ах, ты не знал,– с наигранным пониманием произнес Корвет.– А теперь ты знаешь, да?

– Это не я... Братан... Барабан...

Пальцы Корвета сжались на Коляновой шевелюре, рывок – и приземистый бандит с воплем перелетел через всю комнату и шмякнулся о стену.

«Здоровый бык!» – подумал Ласковин о рыжем.

В дверь заглянул дежуривший снаружи.

– Сгинь! – сердито рявкнул Корвет и с оттяжкой, смачно пнул лежащего Коляна в живот. И еще раз – по ребрам.

– Прости меня, Спортсмен,– проговорил он с широкой улыбкой.– Ты был прав, а я – нет. Больше не повторится.

И треснул ботинком по голове Коляна. Как по мячу. Тот мгновенно вырубился.

– А над предложением моим – подумай,– другим, обычным тоном произнес Корвет.– Столько, сколько я дам, тебе не даст никто. Никто тебе настоящей цены не знает,– он усмехнулся,– кроме меня! Рад был с тобой поболтать! – Лидер «тобольцев» протянул руку.– Надумаешь – заходи.

Руку Корвета Ласковин пожал. Но без всякого удовольствия. Просто потому, что не хотел усложнять отношения. Не похоже, что Корвет хотел его убить. Хотя... может, вариант психологической обработки?

– Я был не прав,– сказал Ласковин Наташе вечером того же дня.– Придется тебе поучиться самообороне. Или выходить из дому только вместе со мной.

– Я предпочту снова заняться каратэ,– сказала Наташа.– Кстати, кое-что я намерена в танцевальную программу включить, как ты думаешь?

Андрей пожал плечами.

– Давай начнем, не откладывая,– предложил он.

Разминалась Наташа сама. Этому ее учить не надо. Затем Ласковин осмотрел базовую технику: стойки, блоки, удары. Терпимо, но... никак. «Балет»,– как говаривал некогда «большой сэнсэй». Балет и есть.

– Подготовься к кумитэ,– распорядился Андрей. Опустившись на ковер, постарался настроиться на нужную волну. Давненько он уже никого не учил!

Наташа экипировалась полностью: шлем, накладки, наголенники – юный рыцарь! Ласковин оглядел ее скептически и сказал:

– Потрясающе. Во-первых,ними с рук эти нашлапки: мне ты не повредишь. И шлем тоже ними. Если я захочу тебя достать – шлем не спасет, а если не захочу – он не нужен. Нагрудник тоже ними. Оставь только обмотки на руках и

наголенники.

Когда его команда была выполнена, Андрей с удовольствием оглядел свою ученицу: тонкая шерстяная ткань обтягивала ее стройное тело, подчеркивая каждый изгиб, порозовевшее лицо, слегка взлохмаченные волосы, огромные глаза, доверчивые, блестящие... Ласковин невольно покосился на ту, на портрете... Нет, его Наташа лучше. И вновь – укол в сердце: «А ты учишь ее мужскому делу!»

«Напои меня полынью...»

– Стань в стойку, – сухо, чтобы скрыть свои чувства, велел Андрей. – В любую стойку!

Наташа приняла очень низкую дзенкуцу-дачи. Технически правильно, но абсолютно непрактично.

Ласковин покачал головой.

– Что, плохо? – спросила Наташа, покрепче сжимая кулачки. – Неправильно?

– Нет, все правильно, – сказал Андрей. – Только как ты будешь меня атаковать?

И Наташа тут же вымахнула май-гери с опорной ноги. У Ласковина сработал рефлекс: он поймал ее за стопу, но в последнее мгновение смягчил хват. Не так уж плохо!

Совсем хорошо! Наташа не только не потеряла равновесия, но и неожиданным рывком вверх освободила ногу. Вот что значит идеальная растяжка и чувство равновесия.

– Молодец! Еще раз!

Второй удар Андрей пропустил, принял па пресс, убедился, что май-геря грамотный, без проскальзывания.

– А теперь – йоко!

Наташа четко сменила стойку и провела высокий щелчковый йоко-гери в верхний уровень.

– Теперь – йоко и рикен-учи! – скомандовал Ласковин.

Все, что делала Наташа, было совсем неплохо. Для начинающей. Больше того, она избежала большей части стандартных ошибок, поскольку владела телом ничуть не хуже Андрея. Проблема была в том, что для настоящего удара недостаточно идеальной траектории. Нужен выброс энергии. Мгновенное напряжение всего, что можно. Когда трехдюймовая доска разлетается от правильного цки, кулак почти не чувствует сопротивления, отдача возникает тогда, когда доска не ломается. Нужен моментальный стресс. И еще кое-что. Это первое. А второе: любой Наташин удар можно было предсказывать за три секунды. И с той же легкостью поймать ее на любой ложный ход. То есть работы оставалось – море.

– Ладно,– сказал Андрей.– А теперь встань, как стоишь на улице, нормально встань. Я – агрессор, собираюсь на тебя напасть. Давай, не стесняйся!

Он шагнул вперед, и Наташа тут же ударила ногой в пах. Все верно. Но и на этот раз удар был «объявлен» заранее.

Ласковин встретил: полуповорот бедер, блок голени коленом, шаг вперед и поддержка, чтобы не упала на спину.

– Примерно так,– сказал он, отпуская Наташу.

Девушка слегка побледнела (больно!) – Андрей сознательно поставил жесткий блок,– но не издала ни звука.

– Потри,– посоветовал Ласковин.– А то синяк будет.

– Не будет, у меня кожа хорошая,– ответила Наташа, но наклонилась и помассировала голень под накладкой.

– Пнуть в пах,– сказал Андрей,– идея неплохая. Но не очень свежая!

– Зато как меняется настроение у насильника! – пошутила девушка.

– Я говорю – ты слушаешь. И делаешь, – негромко произнес Ласковин. – И шучу на тренировке тоже только я. Потом можешь отыгаться, но – потом, после занятий. – Он сделал паузу. Наташа кивнула. – Так вот, удар в пах, ногой или коленом, имеет следующие минусы. Первый: любой мужчина ожидает от тебя именно его, я имею в виду – любой напавший на тебя мужчина. Второй минус: от этого удара очень легко уклониться. Или защититься. Если противник видит твою ногу, а в данном случае ее не увидел бы только слепой, и если он имеет кое-какой опыт, то блокирует твою ногу подошвой ботинка, а это, как ты могла убедиться, – очень больно. Если ты бьешь коленом, достаточно поворота бедра – и с твоей техникой удар пропадет впустую. На внешней стороне бедра есть пара точек, попав по которым можно вызвать паралич ноги, но чтобы это сделать, нужна быстрота, сила и правильный выбор вектора атаки. Знаешь, что такое вектор?

– Знаю, в школе учила.

– Прекрасно. Продолжим. Если твой противник обучался единоборству, он сумеет защититься. Если твой противник просто дрался, хм, в школе, то же самое. В уличной драке в первую очередь норовят треснуть именно по яйцам. Наконец, противник может применить захват, из которого ты не сможешь нанести свой коронный удар. Зато сможешь провести множество других, не менее болезненных. Итак, твое поведение. Ты должна держаться уверенно. Но не агрессивно. Используй то преимущество, что нападающий не ожидает от красивой (Наташа улыбнулась) девушки, что она будет драться, как мужчина. В полную силу. Напавший ожидает испуга, бегства, крика и против этого готов принять меры. Максимум – пресловутого удара в пах. Напавший полагает себя сильным, сильнее, чем ты, всегда имей это в виду. Если заставишь его усомниться в этом – до начала агрессии, – полдела сделано. Он отправится искать другую жертву. Оставим пока варианты: закричать и убежать. Они очень хороши, но убежать не всегда возможно, а кричать – даже «пожар», – как правило, бесполезно. Будем исходить из того, что ты будешь драться. Нападающий помешает тебе убежать, но не будет препятствовать твоему проникновению в зону его защиты. Он ведь сам хочет подобраться к тебе поближе. Сыграй на этом. Шаг вперед и удар в глаза, попробуй.

Наташа выбросила вперед растопыренные «вилкой» пальцы.

Андрей уклонился и покачал головой:

– Не так. У человека инстинктивная реакция на «вилку» и даже просто на растопыренные пальцы. Ты же хочешь не испугать его, а поразить. Поэтому ты начинаешь удар просто как неловкую пощечину, вот так.– Он показал.– Инстинктивной реакции нет, противник не уклоняется, он может даже сам подставить лицо, чтобы доказать собственную крутизну и твою беспомощность. И тут в последней фазе твоя расслабленная ладонь делает так.– Андрей поджал три пальца, а указательный и средний, полусогнутые, выбросил вперед, подкрепив «ключущим» движением кисти.

– А я так глаза ему не выбью? – спросила Наташа.

– К сожалению, нет. Твоим пальцам не хватит жесткости. Кстати, никогда не жалею напавшего. И не думай о том, что он сделает с тобой, если вдруг окажется сильнее.

Если жертва вдруг оказывается агрессивнее агрессора, это защищает ее лучше газовых баллончиков и сирен. Итак, удар в глаза, которые ты, к сожалению, не выбьешь и не проткнешь. Сам по себе он достаточно болезненный, а если тебе вдобавок удастся разодрать веки ногтями – эффективность его возрастает вдвое, потому что кровь ослепляет, склеивает ресницы... В любом случае после такого удара глаза сильно слезятся, и ты можешь спокойно бить в пах и идти своей дорогой. Вопросы?

– Как-то это все... зверски,– проговорила Наташа.– Боюсь, что я не смогу.

– Сможешь,– возразил Ласковин.– Отнесись к этому механически. Насильник умеет говорить, у него две руки и, может быть, приличная одежда. Но это не человек. Человеком он станет, когда из него выбьют зверя. Когда на тебя прыгает бешеная собака, не обязательно ее ненавидеть. Но нужно обезвредить. Если твои пальцы попали в машинные шестеренки, выключить машину – не значит поступить с ней жестоко. Делай то, чему тебя учили. И старайся выполнять движения грамотно и четко. С концентрацией, без лишних эмоций. Вопросы?

– А если их будет двое?

– Бей первого, затем – второго. А затем того, кому досталось больше. Пока противник не упал – он опасен. Если присутствует третий – постарайся свалить двух первых, а третьего просто напугать. Принять стойку и сказать что-нибудь подобающее. Как правило, если пара наиболее активных в отрубе, их приятель драться не пожелает. Струсит. Бить старайся в лицо, в нос или в глаз. С твоим весом и постановкой удара тебе не удастся нокаутировать ударом в подбородок, а тем более пробить пресс. Хороша атака локтем. Это мы отработаем отдельно. Локтем – в кадык, в печень, в солнечное сплетение. Не давай схватить себя за руки, а если схватили – немедленно бей ногой, коленом. А теперь давай займемся практикой. Захват сзади – твой ответ?

Наташа ударила локтем назад.

– Бей! – рявкнул Андрей ей прямо в ухо. – Бей в полную силу, мой пресс тебе и дубиной не пробить. И не в бок бей, а в живот, свой локоть – плотнее к туловищу. Чем плотнее – тем больше силы! Делай!

И соединил пальцы на ее шее.

Наташа стиснула зубы и ударила изо всех сил.

– Хор-рошо! А теперь – пяткой в пах!

– Я тебя не покалечу?

– Я уклонюсь. Бей резко снизу, локтем – в живот, ногой в пах! Отлично! – похвалил Ласковин, когда Наташа выполнила оба движения. – Теперь еще раз, ты должна довести до автоматизма: захват – два контрудара. Делай!

В этот день они отработали еще две связки от нападения сзади: с ударом головой назад и с опорой на руки напавшего – ногой против второго противника. Результаты были обнадеживающие. Полгода занятий – и Наташа вполне сможет постоять за себя.

Глава одиннадцатая

Утром следующего дня Ласковин сделал еще одну безуспешную попытку дозвониться до отца Егория.

«Все, – твердо решил он. – Вечером обязательно заеду!»

Вечером. День обещал быть длинным. Следующий звонок – Вадиму. Как идет расследование?

– Вяло, – ответил боец невидимого, или как там его, фронта. – Послезавтра, может, откопают что-нибудь новое.

– Почему послезавтра? – спросил Ласковин.

– Отчет, – лаконично объяснил Вадим.

К двенадцати Андрей приехал в Славин зал. На занятия. И неплохо поработал. Ласковин был доволен. Зимородинский – тоже. Впрочем, Вячеслав Михайлович меньшего и не ожидал. Закончили они без пятнадцати три. В три у Зимородинского – плановая группа.

Андрей обещал Наташе вернуться до четырех. Но вдруг обнаружил, что у него кончились деньги. Обнаружил с искренним удивлением: вот уже два года с ним не приключалось подобных казусов, и Ласковин успел забыть, что такое бывает.

Занять? Но взять займы крупную сумму, не ожидая никаких приходов, Андрею не позволяла совесть.

Варианты были. Например, принять одно из доходных предложений. Проблема в том, что ни Корвет, ни Конь, ни даже друг-приятель Шиляй не одобряют работника, заваривающего неприятности с непринужденностью утреннего чая. И еще одно: не хотелось идти ни в «холопы», ни в «опричники». Встраиваться в систему, от которой тошнит, и укреплять ее собственными мускулами? Нет уж! Лучше группу набрать. Как Гусь. Только это дело долгое. А деньги нужны сразу. Потому что продукты купить надо, за тир заплатить, чтобы пропуск не отобрали, бензин опять-таки.

В общем, к четверем Ласковин не вернулся. Покалымил полтора часа: подобрал на Московском трех «черных» и мотался с ними по Питеру, куда тем желалось. «Черные», как водится, пообещали заплатить «хорошо-ё!», но в итоге попытались отделаться тридцаткой деревянных.

– Нэт русски дэнэг, савсэм нэт, понымаэш, э?

И с легким наездом.

Ласковин сделал вид, что струхнул, дал двоим выйти из машины, а потом заблокировал двери и – двумя пальцами – нос третьего джигита. Покрутив горбатое украшение вправо-влево так, что гордый джигит прослезился, Ласковин напомнил о законе гор: «Не уверен – не выступай!»

Был, конечно, определенный риск. Два приятеля снаружи могли оказаться заправскими бандитами от джихада и попытаться пристрелить гяура-уруса. Но не попытались. Решали свои дела, задержки земляка-приятеля не заметили. Выудив из-за пазухи джигита бумажник, Ласковин действительно обнаружил дефицит рублей. Но зато избыток долларов. Пачечку стошек, полтинник и три пятерки. Ласковин взял полтинник, хотя вдруг расщедрившийся джигит гундосил: «Сто, сто бэри, нэ жалка!»

– Нэ жалка так нэ жалка,– согласился Ласковин и забрал пятерки. Стольники, надо полагать, были изготовлены несколько восточнее США.

Отпущенный на волю джигит, выбравшись из машины, вдруг воспылал гневом, загоготал и даже пнул машину Ласковина в бок. Андрей не стал тратить время на обиженное дитя гор (или пустынь, хрен их разберешь!), вырулил на трассу и поехал домой. Вспомнились ему вдруг сокурсники-туркмены, брат с сестрой. Славные ребята, добрые, умные, картошкой его кормили, когда наезжал в общагу оттянуться, конспектами ссужали на сессии. Сестра ему Хайяма на фарси читала: нравился ей Андрей. Ласковин же вел себя сдержанно: славная девушка, но уж очень некрасивая. Зато когда стали обижать туркмен другие азиаты – узбеки, которых в той же общаге обосновалось целое землячество, Ласковин, возмущенный до крайности, на пару с Митяем посетил последовательно три комнаты узкоглазых «земляков». Митяй, незаменимый в таких делах, прикалываясь от души, изображал «большого русского брата-миротворца». «Что на Востоке – тонко, то у нас на Руси – толсто. Очень толсто!»

– разъяснял он каждому персонально, демонстрируя массивный кулак.

На торчезубых мелких узбеков речь его производила серьезное впечатление, особенно когда от «дружбы-фройнчапа» Митяй без малейшей логики переходил к «еще раз услышу, что ручонки распускаешь, вырву и в жопу запихну! Будет тебе русский секс, понял?» и гоготал идиотски, украдкой подмигивая Ласковину.

Веселое было время. Интересно, где теперь брат с сестрой? Уцелели в кровавой оргии распада?

«В эпоху бурь первыми убивают лучших». (Кто это сказал?) Например, тех, кто читает Хайяма на фарси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksandr-mazin/pravo-na-mest>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)